К84(2Рос=Манс)
Ш51

Юван Шесталов

Мисне

ЮВАН ШЕСТАЛОВ

МИСНЭ

А. Н. Баландинн редактировайтавес
ос
русь латнгыг толмасьлавес

БИБЛИОТЕКА
Х-Мансийского горкома
партии г. Ханты-Мансийск

ТЮМЕНСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1961

Ханты-Мансийская
окружная библиотека
Тюменской области

Краеведческий
ФОНД

-36366-

K 81.2 M2M
W51

С и м у м — сянюм симыт тэлыс,
Сянюм симе — Мисиэ симыт тэлыс,
Мисиэ симе — мирум симыт тэлыс,
Мирум симе — макем симыт тэлыс.

Тинынг сяюм номнэ магыс ти эргыт симум эрги

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник «Миснэ»—«Добрая лесная фея»—третий сборник Ювана Шесталова на мансийском языке. Этот сборник составлен из стихов, написанных с 1957 г. по 1960 г., то есть стихов самых ранних и самых поздних. В предыдущих сборниках «Маем ат» — «Дыхание родной земли» и «Маньси павыл нявремытн»—«Детям мансийских селений», изданных на родном языке поэта, эти стихи не печатались.

В сборнике «Миснэ» пять разделов: I. «Сяном» — «Мать», II. «Нангын кинсилум»—«Я тебя ищу», III. «Эргегум-воритотэгум»—«Пою-борюсь», IV. «Маньси эрыг-ханса»—«Мансийский орнамент», V.«Халь вит»—«Березовый сок».

Само название сборника «Миснэ»—«Добрая лесная фея» говорит об органической связи поэта с народом, с его культурой, с его мировоззрением. Образ Миснэ заимствован из фольклора. Миснэ в понимании манси воплощает в себе все положительные качества, которые могут быть свойственны человеку: доброта, честность, радушие, внутренняя и внешняя красота. Такова Миснэ в понимании мансийского народа, имея в виду, что народ создал этот образ как мечту о счастье.

Юван Шесталов вложил в этот образ более глубокое содержание. Миснэ в его понимании—это не просто добрая лесная фея, помогающая охотнику и дающая ему удачу на промысле или выручающая человека из беды. Миснэ—это Родина, щедро одаряющая тех, кто своим честным, самоотверженным трудом создает ее величие, силу и красоту. Миснэ—это простая девушка, которую можно встретить и в Ленинграде, и в Ханты-Мансийске, и в далеком северном

колхозе, в лесу, на рыбалке,—где угодно, но только тогда, когда эта девушка, именуемая Миснэ, воплощает в себе те качества, которые свойственны «доброй лесной фее». Главное же качество современной Миснэ в трактовке Ювана Шесталова—трудолюбие. Не случайно поэт открывает свой сборник эпиграфом, символизирующим неразрывную связь образа Миснэ с его матерью, с народом, с Родиной:

«Мое сердце родилось в сердце моей матери,
Сердце моей матери родилось в сердце Миснэ,
Сердце Миснэ родилось в сердце моего народа.
Сердце моего народа родилось в сердце моей
любимой Родины». х)

Более глубокое осмысление жизни—вот что характеризует стихи Ювана Шесталова в его сборнике «Миснэ», если сравнивать этот сборник с предыдущими сборниками—«Макем ат» и «Маньси павыл няврамытн», хотя многие мотивы этих сборников тесно переплетаются друг с другом.

В «Макем ат»—«Дыхание родной земли» (1958 г.) поэт по преимуществу останавливает свое внимание на темах, связанных с поэтическим изображением явлений и персонажей своего родного края; здесь короткие лирические стихи, многие из них по форме и содержанию тесно связаны с мансийской лирической песней, например, «Маньси аги эргыт»—«Песни мансийской девушки» и др.

В «Маньси павыл няврамытн»—«Детям мансийских селений» (1960 г.) поэт выступил как певец юности, посвятив свои мысли и чувства мансийской детворе. В этих стихах он для себя и для всех своих читателей «открыл» маленьких мансийцев—будущих героев жизни; дал яркие зарисовки птиц и зверей родного края, близких и дорогих сердцу мансийского ребенка; показал мужественных людей—хозяина тайги, крепко стоящего ногами на своей северной земле. В стихах мотивы любви к родному краю воплощают в себе идею любви к Родине.

Сборник «Миснэ» представляет собою значительное явление в творческом росте молодого мансийского поэта Ювана Шесталова. В этом сборнике много

х). Перевод стихов везде смысловой.

новых тем, много новых идей, в нем большее жанровое разнообразие стихов и новых приемов в мансийском стихосложении.

Сборник открывается прекрасным стихотворением «Миснэ»:

«Чудесный лес как будто дышит, дремлет,
Чудесный лес как будто улыбается.
Там ходит женщина Миснэ, обозревая мир,
Так, как в мансийских сказках повествуется».

Вслед за Миснэ перед нами раскрывается образ матери, которая ассоциируется с образом горячо любимой Родины:

«Я нашел тепло и счастье
Средь сердечного народа,
златорукого, родного!..
Я смотрю на мир глазами
моей Родины счастливой.
В моих песнях слышен трепет,
шум лесов, любимых манси.
Плачу я слезой народа,
И клокочет в моем сердце
его сила и отвага».

Будущее народа — это его дети. Эту идею поэт раскрывает в стихотворении «Человек родился». Маленький манси «величиной с тонкий ножичек» издает крик «Унга! Унга!», бросая упрямый вызов суровому северному ветру, и в этом крике мы слышим уверенность в его победе, верим, что он завоюет счастье.

«Разве выразишь словами,
Что такое счастье?
Только знаю, что мальчишка
Победит ненастье.
Может, где и упадет он—
Но подымется и встанет!
Будет плакать и смеяться...
Вихрь!.. он вровень с ним помчится,
Позади себя оставит!»...

Эту идею поэт углубляет, развертывает и конкретизирует в стихотворении «Мой дом»:

«Молодые люди, юные, как я,
Комсомольцев тысячи,—
все мои друзья.
Взор у них пылающий,
страстью дышит взгляд...

Как и я, они смело по жизни идут,
Они счастье крылатое ищут:
Один счастье лопатой себе достает,
Другой ходит за счастьем на лыжах,
Третий едет на тракторе, песни поет,
Иль железные рельсы на землю кладет,
Или город он новый возводит...
Каждый быстр и отважен в работе своей.
Дело спорится так,
как у резвых коней
иль у быстрых оленей копыта....»

Любовь к великой Родине поэт связывает с образом России, которая, как солнце, облила теплом его суровый северный край и одарила счастьем мансийский народ:

«Она рядом со мной другом встала,
Она отдала мне свое русское сердце...
Тогда в груди моей крылатое солнце родилось,
И в сердце залетела счастливая эра».

Чтобы уверенно строить новый мир, чтобы народ мог обрести подлинное счастье, необходимо решительно преодолеть предрассудки, пережитки старого быта. Против них поэт смело подымает голос протеста, называя пережитки прошлого «слепыми днями былого». В стихотворении «Мансийской женщине» он рисует перспективы ее взлета ввысь, к счастливой жизни, освобожденной от предрассудков и суеверий:

«...А вот ты, ты почему же
Так не хочешь жить на свете?
И ходить подобно русской
По земле с лицом открытым?!
. . . . . .
Смело сядь в седло,
и резвый
конь помчит тебя по жизни...
Русской женщине подобно
в жизнь войдешь
И пошагаешь
в мир просторный и широкий...»

В старое время человек был «сухой стружкой, которой разжигали огонь, огонь разгорался, и стружку пожирал язык пламени». Это судьба угнетенного манси в условиях старой буржуазно-помещичьей России. Эта судьба постигла бы и его отца, если бы не Великая Октябрьская социалистическая революция. Его отец вступил в Коммунистическую партию, стал председате-

лем колхоза. Бывший батрак, которого дед продавал купцам в кабалу, стал передовым человеком мансийского народа:

«Четверть века отец председателем был,
На работе, как пламя, горел.
И в борьбе, и в труде весел был,
песни пел,
И колхоз у него богател..!»

В своих стихах Юван Шесталов ведет читателя к осмыслению острых политических проблем нашего времени, сопоставляя прошлое с настоящим, чтобы ярче воспринимался сегодняшний день и прекрасное завтра не только мансийского народа, но и тех народов, которые находятся в капиталистическом и колониальном рабстве. Поэт создает широкие полотна: с одной стороны, поэму «Сказ Оби о Ленине», с другой — такие образцы политической лирики, как «Сон» и «Грустные песни, черные лица...»

Беловодная рыбная Обь, согласно мансийскому фольклору, сохранила в памяти все важнейшие события в истории приобских народов. В «Сказе» Ювана Шесталова Обь так повествует читателю о том, что было и что стало:

«Раньше я смывала слезы
С глаз, гноящихся от дыма,
Я смывала нечистоты, грязь
С одежд, кишащих вшами.
А теперь ко мне на берег
Парни, девушки приходят,
Льется радость и веселье
Из сердец счастливых, юных...
. . . . . .
То в сердцах людей,
Как пламя,
бьется Ленинское сердце,
Никогда не потухая.»

В стихотворении «Сон» поэт рисует пригрезившиеся ему кошмары войны, будто бы охватившей весь мир:

«...Прыгает пламя, как резвая лошадь,
В каждом доме пылает огонь.
Где проходит он —
остается пепел,
подымается дым,
возникает боль.
Корчатся лица,
рождаются тени,
процветают болезни,
позор ..»

Поэт счастлив, что это один лишь сон, что на самом деле:

«Ведь не могут народы мира сойти с ума?!
Нет! Мой народ очень силен:
Если встанет — подымется выше Урала!
...В жизни войну я никогда не видел,
И этому никогда не быть!..
В этом большое счастье, великая радость!
В мире рождается мир!
...Течет по земле счастливая жизнь!
Пусть оно будет повсюду вечным:
Счастье! Счастье! Счастье!»

В стихотворении «Грустные песни, черные лица», обращаясь к народам Африки, борющимся за свою независимость и свободу, поэт спрашивает:

«Почему в ваших глазах темная ночь?
Почему из ваших уст льются песни печали?
Почему негритянские красавицы
Смотрят косо?..

И отвечает:

«Негритянское счастье украла
Вошь, пьющая кровь,
С жадностью проглотили народное счастье
Богатые белые люди.»

Стихотворение заканчивается призывом к негритянскому народу:

Так проснитесь же, проснитесь!
В небе солнце кружится!
Так вставайте же, вставайте,
На свободолюбивый путь Лумумбы!

«Черный глаз Лумумбы ,устремленный к солнцу» в этом стихотворении символизирует страстное стремление угнетенных народов Африки сбросить с себя тяжелые цепи колониального гнета. Поэт хочет, чтобы и народы Африки, подобно манси, улыбались под лучами солнца свободы.

Нельзя не сказать несколько слов о четвертом разделе сборника под названием «Мансийский орнамент». В точном переводе это значит «Узоры мансийской песни». Оно (т. е. название) передает своеобразие формы стихов, включенных в этот раздел. В нем преимущественно краткие, десятистрочные стихи, причем последние две строки обычно резимируют идею всего

стиха с ясно выраженной дидактической установкой познавательного и воспитательного значения. Этим же стихам поэт дает и другое название «Песня-стрела». Эти стихи имеют острие, направленное в определенную цель, и стремительны, подобно стреле.

Вот несколько примеров, характеризующих содержание заключительных двустишных строф в этих стихах:

«Человек тоже имеет рога,
Рога человека — зло»
«Ведь мы растем на коленях у женщин,
Почему же это мы иногда забываем?!»
«Коли так случается с несмышленными деревьями,
Разве прекратит свое существование род человеческий?!

В некоторых стихах этого цикла звучат остро полемические мотивы, ирония и даже сарказм в адрес тех, кто отрывается от народа, пренебрегает национальной культурой и родным языком:

«Хоть язык он свой и знает, —
А на нем не говорит;
Он не рад мансийской песне ,
Нос повыше задирает,
Не здоровается с манси
И товарищу-мансийцу — он руки не подаст.
Как гордец всегда гордится,
Он не слышит даже слов.
Кто забыл родное слово,
Тот плюет в родную мать».

Новым моментом для Ювана Шесталова в развитии мансийского стихосложения в отличие от того, что им было сделано раньше, является попытка преодолеть хорей как ведущий размер всех его стихов. Хореический размер и здесь сохраняется, но два стиха «Рыбачка» и «Россия» Юван Шесталов уже написал ямбом. Это следует рассматривать как значительный успех поэта, ибо писать ямбом на мансийском языке очень трудно, учитывая фонетический строй мансийского языка, когда главное ударение всегда падает на первый слог в слове.

В связи с этим хочется высказать несколько общих соображений об истоках современной мансийской поэзии, чтобы лучше представить пути ее формирования.

Современная письменная мансийская поэзия, представленная стихами М. Вахрушевой и Ю. Шесталова, своими истоками уходит в устно-поэтическое творчество мансийского народа. Но, возникнув на основе устного народного творчества, она, будучи новым явлением, сохраняет лишь некоторые черты фольклорных произведений и делает значительный шаг вперед в сторону классического стихосложения.

М. Вахрушева пишет преимущественно белым стихом, основанном на ритмике и внутреннем созвучии; у нее твердый порядок слов в предложении; более того, в отдельных случаях у нее параллелизм, когда она создает песню (под параллелизмом мы понимаем повторы, свойственные мансийскому фольклору). По этому принципу ею, например, создана песня о ЛЕНИНЕ:

«Великий отец наш Ленин,
Светлый, как ясное солнце,
Человек, давший нам счастье,
Человек, подаривший нам счастье».

В ее стихах прослеживаются лишь отдельные элементы рифмы и доминирует хореический размер, на основе которого строится мансийский народный стих. В этом отношении стихи М. Вахрушевой, как ранние, так и поздние, представляют собой такие поэтические произведения, которые в значительной мере сохраняют черты, присущие мансийской народной песне.

Заслуга Ю. Шесталова в развитии мансийского стихосложения состоит в том, что он, преемственно сохранив хореический размер и присущую мансийской народной песне ритмо-мелодику, в своих стихах решительно преодолел сковывающее влияние мансийского параллелизма и создал новый тип стиха на основе рифмы. Это в свою очередь позволило раскрепостить мансийский синтаксис с твердым порядком слов в предложении и найти более гибкие формы для художественного воплощения мысли. Рифма у него весьма разнообразная, как по грамматическим свойствам, так и по звучанию. В качестве примера приведу одну строфу из его стихотворения «Нужны мне крылья...», чтобы читатель мог сопоставить звучание мансийского стиха с русским смысловым переводом:

По-мансийски	По-русски
Анумн товыл ос хоса лёхъяс эри,	Нужны мне крылья да длинная дорога,
Тамле лёхъяс нэмхотпа ат вас.	Такой дороги никто еще не знал.
Вос симумт рати хурахлан сим эрыт,	Пусть в моем сердце бьется песнь тревоги,
Вос туйт хольт сульги маньси мирум кас.	Пусть радость и веселье мансийского народа Звучит в нем так, как хрупкий снег под полозом саней.

Два предыдущих сборника стихов Ю. Шесталова «Макем ат»—«Дыхание родной земли» и «Маньси павыл няврамытн» — «Детям мансийских селений» были изданы только на родном языке поэта. Настоящий сборник «Миснэ» — «Добрая лесная фея» включает в себя оригинальные тексты стихов на мансийском языке с приложением смысловых переводов на русский язык.

Это большой выигрыш для нашей литературы. Ибо так называемые «закрытые издания» (имеется в виду публикация только оригиналов без перевода) полностью себя не оправдывают. Дело в том, что сборники стихов на родном языке доступны лишь народу, владеющему этим языком, но не понятны широкому кругу иноязычных читателей. И с творчеством национального поэта широкий советский читатель знакомится только по рецензиям, причем не всегда объективно отражающим его поэтическое лицо.

Несколько слов о понятии «смысловой перевод». Смысловой перевод — это нечто среднее между подстрочником и поэтическим переводом на другой язык. Подстрочник — буквален. Он не считается с нормами языка, на который переводится оригинал, и воспринимается как тяжеловесная форма речи, малопоэтическая. Он не импонирует языковой форме художественного воплощения мысли, привычной для носителя другого языка.

Смысловой перевод отходит от буквализма подстрочника. Он более свободен в том отношении, что при передаче мысли стремится учитывать нормы языка, на который переводится оригинал, и поэтому не воспринимается читателем как тяжеловесная форма речи и малопоэтическая. Однако смысловой пере-

вод — это поэзия не в полной мере: раскрывая содержание оригинала, он не отражает его ритмомелодии и характера рифмующихся строк. Однако несомненно то, что смысловой перевод, приложенный к подстрочнику, облегчит работу поэта-переводчика: с одной стороны, он поможет ему правильнее понять специфику национальных образов, и с другой—предупредит его от чрезмерно свободной их трактовки.

Смысловой перевод может делать только тот человек, который в совершенстве владеет языком поэта и тем языком, на который переводится оригинальное произведение. Тем не менее, даже такой переводчик нуждается в наличии подстрочника, сделанного рукой поэта. И даже более. Он нуждается в консультации поэта и в его участии при просмотре сделанных переводов.

Приведу несколько примеров, характеризующих опыт работы над переводом стихов Ю. Шесталова.

Наибольшие трудности при переводе вызывали те места оригинала, в которых поэт использовал идиоматические выражения.

В стихотворении «Куринька» мы имеем:

Подстрочник	**Смысловой перевод:**
Кореньку начали . На девушку напали черви: Она, как скользкий налим, извивается,	Кореньку заиграли. Девушка затрепетала И пустилась в пляс: Извивается она, как скользкий налим,
Она, как (резвый) лосенок, скачет, Она, как рог, свою ногу выгибает, Она, как весенний гусь, плывет, Песни поет, пляшет, прыгает, Как огонь с языком, ее платье пылает.	Скачет она, как резвый лосенок, Изгибает ногу в олений рог, Плывет она, как весенний гусь, Напевая песни, скачет и танцует, Языком пламени пылает у нее платье.

А вот оригинал:

Куринька овылтавес.
Нэкве уйи ёхтыгпавес:
Няльсинг сыг хольт сякарали,
Янгуй кой хольт поргасьлали,
Аньт хольт лаглэ вангкырлали,
Туя лунт хольт уйгасьлали,
Эрг эрги, йикви, порги,
Нелмынг най хольт супе хорги.

Итак, ни в подстрочнике, ни смысловом переводе не отражены рифмы, имеющие место в мансийском оригинале.

В подстрочнике «на девушку напали черви» является идиоматическим выражением, которое понятно манси, но не понятно русскому читателю. Его надо раскрыть. А как? И переводчик пускается в поиски соответствующих смысловых эквивалентов, которые раскрыли бы содержание идиоматического выражения. Для этого потребовалось ввести в русский перевод две строки вместо одной:

«Девушка затрепетала
И пустилась в пляс».

Вот что значит для русского читателя идиоматическое выражение мансийского языка «на девушку напали черви».

Возьмем второй пример из стихотворения «Город», который имеет поэтический перевод Н. Грудининой. Трудной для перевода оказывается последняя строфа этого стихотворения:

Ёнгыс, ларгыс ахвтас ус.
Ахвтас хольт ам суссум.
Сат ур сампа симе мус
Таве тонт ат васлум.

В этом случае сначала сопоставим подстрочник этой строфы с поэтическим переводом Н. Грудининой:

Подстрочник	Поэтический перевод
Кружился, вертелся каменный город.	Он шумел, спешил,
Как камень, я смотрел.	И не знал еще я
До самого сердца с семигранными глазами	Ни его души,
Его тогда я не знал.	Ни его героев.

Смысловой перевод

Кружил, вертел город каменный.
Онемев, словно камень, я смотрел вокруг.
Но тогда еще я не знал его —
сердце города,
В мир бросающий многогранный взгляд.

840
36366
БИБЛИОТЕКА
Х.-Мансийского горкома
Краеведческий

Мне думается, что если бы поэт-переводчик имел возможность ориентироваться не только на подстрочник, но и на смысловой перевод, его поэтический перевод этой стихотворной строфы получился бы более удачным.

Дело в том, что в мансийском языке слово «сат» обозначает не только «семь!, но и «сто», отсюда это слово ассоциируется с понятием «множество», отсюда же художественный образ: «сердце города с многогранными глазами» т. е. «город смотрит в мир множеством глаз».

Таковы мои некоторые соображения и замечания, связанные с принципом перевода мансийских стихов на русский язык, имея в виду подстрочник, смысловой перевод и перевод поэтический.

Я чувствую сам, что в моем смысловом переводе стихов Ю. Шесталова нет полной равномерности, имеются, может быть, некоторые погрешности чисто стилистического порядка с точки зрения требований русского языка. Тем не менее я испытываю большое внутреннее удовлетворение от того ,что в меру своих сил и возможностей передал на русском языке «дух мансийского стиха», имея в виду его содержание, его образность.

Свое предисловие я хотел бы закончить словами, извлеченными из стихотворения «Березовый сок», которым завершается сборник «МИСНЭ»:

«Если песнь моя не будет течь свободно,
Снова я приду туда, к моим друзьям,
Где трепещет сердце моего народа
Так, как бьется сердце березян.
Я приду туда, где беспрестанно льется
Сок березовый из под березовой коры.
Выпью того сока, сока животворного,
И вернется сила, матерью дарованная мне...»

А. Баландин.

МИСНЭ

Воркве сярмат лилти, юнси,
Сярмат мовалали.
Маньси мойтыт сир тот сунсим,
Миснэ яласали.

Сохыт нир хольт Миснэ карысь,
Луи ма хольт хуринг,
Регынг сярмаг регынг арась,
Ёмас нэ хольт ёрынг.

Уй-хул хуринг сахи маси,
Солинг халь хольт вольги.
Маньси нэ хольт ёмунгкв хаси,
Ласьлакв саге сульги.

Вос кос луи макем янит
Нянгра порхай порги,
Нёмса, симынг Миснэ самет
Регынг хотал хорги.

Ангквати ке — туйткве толи,
Каскве симын ёхти,
Матум хотпа марсюм холи,
Нарынг агум рохти.

Люлиг соль ке емти номтын,
Миснэ ляпан рови,
Регынг латынг урнэ симынн
«Тюпынг» латынг лави.

Миснэ, Миснэ — симынг нэрись,
Юртыг вингкве рови.
Польнэ симкем сярмат арась
Регынг Миснэ вови.

Воркве сярмат лилти, юнси,
Воркве мовалали.
Маньси мойтыт сир тот сунсим,
Миснэ яласали.

Хот туп таве хонтыгпилум?!..
Сака яныг воркве.
Аквтипыл ам кинсантилум:
Симум оньси ёркве.

С Я Н Ю М

СЯНЬ

Пася олэн, тинынг макем,
Пася олэн, онгхынг вор!
Тит яныгмас тинынг сянькем,
Симынпатыс асюм ёр.

Луптанг хапга катэ хосги,
Мовалали сюлтгын вит.
Восвоснэрись оста восги —
Маньпорат тав восгыс тит.

Васыт ёт ам яныгмасум,
Олсум порыгпаннэт ёт,
Лунтыт ёт ам эргыгласум,
Макемт хонтыгласум сот.

Сянь! Ам номилум нанг катын,
Регкен ёрувлилум хунь!
Вос кос манве ратвес вотын —
Нанг майласын анумн сюнь!

Улпыл соль ам сот ат осьсум:
Ворын минас сянькем кас.
Туйтынг мат ам амккем хультсум:
Яныг саврись симум вас.

Янгкынг витыт польсавесум,
Торгантасум лупта хольт.
Таквси раквын раквсавесум
Хоса Аскве пахынг вольт.

Ратнэ симум емталавес
Тэнгкве нянгра асирман,
Сав сёс туйтын рамыглавес,
Пинунгкв емталавес манн.

Макемн, хот ат олсум хоса,
Ёхтыгласум алам ос.
Атырхари торум осэ,
Йивытт эрги турынг сёс.

Сагынг хотал мовалали.
Сотынг сам хольт вольги Ас.
Макем мирыл контгасьлали,
Симумт тэли эрыг-кас!

Ати! Туйтыг ам ет емтсум!
Ат рамвесум полям манн!
Ати, ати! Ат тайвесум
Сови нёлпа асирман!

Регылтавесум тинынг макемн,
Сярмат олсум сюнюм ёт!
Сорни катуп симынг миркем
Халт ам хонтсум рег ос сот!

Макем самыл ам сунсэгум
Эргумт рампги маньси вор.
Мирум люньсил люньсянтэгум,
Симумт рати мирум ёр.

* * *

Лавыглас: асёйкам
Саме сохтыл олыс,
Йивныл ёргим товлынг нялыл
Лэнгын самн хойсыс.

Аквтох вос ам олнувакем
Эргум тох вос уи.
Махум сим палт сохтыл лёхъяс
Эргум тох вос кои.

ЭЛУМХОЛАС САМЫНПАТЫС

Луи вотпыг амп хольт нянгхи,
Войкан амп хольт ути.
Вотас йикви, вотас ёнгхи,
Касынг товкве хути.

Суюмлали иснас ватат,
Лавынг турыл кисги...
...Хуринг сасыл варим апат
Няврамакве сисги.

Сэрипосыт самынпатыс
Сёхри янит койрись.
Вотпыг нупыл ронгхунгкв патыс
Туля янит пыгрись:
— Унга, унга»—няврам сисги —
«Унга, унга» — ёнгхи.
Тикос нянгра вотпыг кисги
Пыгрись суйнгысь ронгхи.

Сярмат тав ань ёралахти:
«Хунтлэн, мана туркве!»
Сярмат тав ань пилылтахти:
«Симумт рати ёркве!»

Вотас нянгра катыл пахвти
Сотыр войкан туйтнял.
Авит оста варыглахти
Сови луи вот нёл.

Нёхсыт туйтын лап-тотвесыт,
Ёл-польвесыт ангхат,
Иснас луптат лап-сольвесыт
Хот-туйтхатсыт лёнгхыт.

Манрыг, манрыг самынпатсын,
Туля янит койрись?
Сольман олунгкв тит атхатсын,
Воринг маньси пыгрись?

Сунсэн: солинг колкан тармыл
Симынг сянин тисти.
Тосам нёлпа симтал ярмил
Нёлэ сав сёс вастэ.

Алам олунгкв купнит ати
Пелпа туйт йикв халыт.
Хотъют ёрынг номтэ вати —
Хульти порыс халыт...

Сунсэн, сунсэн: сянин супынн
Сярмат хотал исыс.
Ати, мовиньт исыс вильтын,
Вос кос вотас кисгыс.

Эрупса, сягтил, люньсинг тистил,
Нянгра вотас, турап..
Лавен махум, лавен астал,
Сюнькве манахурип?

Эрынг эква симынг сюнькве
Няврам ёт нох тэли?
Эрынг сярмат сэмыл уйкве
Ворыт халыт яли?

Латнгыл хунь пыл лягалаве
Сюнькве манахурип.
Туп ам ваглум ёлимтаве
Пыгрисяквен турап.

Эрынг хот ёл- рагатали —
Молях нох тав люли!
Люньсюнгкв пати, мовалали...
Вотпыг юил хули!

Хунтамласлум пыгрись лёнгхе...
Пыгрись олунгкв, олунгкв тангхи!

* * *

Сорни сянь хунь оньсирисюм,
Хотъютн хунь хулавем.
Наскассыг ам люньсирисюм,
Нэмхотпан ат салитавем.

Хунь ракв вовнэ тахыт люньси,
Тулытн тав хулаве.
Няхнэ ампкой сянькве оньси,
Сянен нелмыл вотаве.

Сорни тинпа люсьвитакен
Наскассыг ул паргалтэн,
Нярпум хурип симынг симкен
Наскассыг ул сяргалтэн.

Мот хум лосьвит касали ке —
Асталакве мовали,
Мот нэ люсьвит касали ке —
Нарынг латынг лягали.

Мот хум симе—пелпа порхай,
Порхайн ул пелавен!
Мот нэ латнге—хуснэ хусай,
Хусайн ул хусавен!

Туп ам сагынг хотал катын
Симумт люсьвит тославе,
Туп ам атынг пунгкатум
Нарынг макквен мустлаве

Сорни сянь ат оньсегум ке —
Сорнинг макве оньсегум,
Сяньтал симыл люньсегум ке —
Посынг хотал оньсегум.

Вос кос вари яныг турап —
Хотал нэгли аквтипыл,
Регынг хотал сянюм хурип —
Сюнинг касум ёхтыгпи!

* * *

Тинынг луи макем,
Лавен, хумус олунгкв?
Мана хурип лёнгхыл
Макве хосит ёмунгкв?

Регынг маглынг сянькем
Полям макквен войвес,
Паквсам янит симум
Туйтыт халыт хульвес.

Вотыт сака нянграт,
Алти ёл-паттавем.
Нялынг асирмана
Алти таяпавем.

Йивыт карсит Менгкв хольт
Луи—вотпыг кисги,
Манос савынгканыт
Сярмат хотпа сисги.

Матум Танварпеква
Илгтыг самынпати:
Симум тарынг пакв хольт
Маквен та рагати.

Торас карсит пупгыт
Номтын ёхтыгпегыт,
Эрынг соль ти пупгыт
Анум салитэгыт?

Туп пунгк агмыл емти,
Вотас хольт тав ёнгхи.
Хот сар, хот сар оли
Олнэ сюнинг лёнгхум?

Вос кос сака хаси
Катум писаль пувунгкв,
Тав соль, соль ат верми
Менгквыт нялыл алунгкв.

Пилуптахтунгкв пати
Аквтох Танварпеква...
Илттыг хоттыл нэглыс
Лёнгхумт акв русеква.

«Ёмен, сохтыл ёмен,
Анумныл ул пилэн!
Минимена молях
Ханисьтахтын школан»

Симынг латнгуп сянь хольт
Манав ханисьтасанэ.
Танварпекват, пупгыт
Симныл нявлысанэ.

Туя макве хольт ам
Тонт усь лилаясум,
Эрынг сюнинг лёнгхум
Тонт ам хонтыгпаслум.

* * *

Самынпатнэв порат
Сянянув сунсэгыт,
Самынпатнэв порат
Оманув номсэгыт:
Ласьлакв нёвсын катыт
Яныгмегыт молях,
Сюлтгын Ас воль ватат
Пувумтэгыт сорых.
Уит ат оегыт,
Ёл тан рагатэгыт;
Таглыг емти пут,
Янгыг емти рут,
Ласьлакв нёвсын лаглыг
Хоса манн ехтэга,
Туп ти суснэ самыг
Йильпи мат сунсэга.
Хот и сянь ат ялыс,
Тув тав пыге ёхти,
Наскассыг хунь тэлыс
Ти мань сисгын «сёхри»!
Мана вит ат аис —
Та вит пыге аи,
Мана лёх тав коис—
Та лех пыге кои.
Тав ат пувум сотэ
Пыген пувумтаве,
Эква вати нотэ
Элаль тотыгпаве.
Самынпатнэв порат
Сянянув сунсэгыт,
Самынпатнэв порат
Сотыр номт номсэгыт.
Хуммус, хуммус ман ос
Торумт олантэва.

Сянюв номсум лёхъяс
Сольман ман коянтэва.
Эрынг ювле ёнгхсув
Минасува похан.
Наскассыга ронгхсув,
Люльсув сови лёнгхын...
Тинынг сянькенува,
Тюпынг сянькенува,
Хулиилын ман ати—
Лёнгхув вати ати
Лёнгхув сака хоса—
Хотал сунсим лавев.
Тув ат ёхти ёса,
Тув ат ёхти лагыл.
Сохтыл ёмантэва,
Веськат самыл сунсэв.
Ёл ке рагатэва,
Макев палт нюнсэв.
Макевн хунлавева,
Макевн мивев ёрын:
Витын сялтапева,
Хангхев карыс Нёрын.
Тинынг сянькенува,
Тюпынг сянькенува,
Нан номсын лёнгхан
Коянува.

АМ КОЛУМ

Махум хольт ам оньсегум сёл,
Махум хольт ам оньсегум кол.
Колум хоса, яныг, карысь,
Пахынг сярмат луи сярысь.

Колум хосит ёмантэгум,
Суинг эрыг эргантэгум.
Атхунь, атхунь, колум сюнинг,
Уй-хул турыл колум суинг.

Сира эрги, люньси лули,
Симум махум симыт хули.
Колумт сорни хотал пости.
Эти колум сярмат касти:
Пунгкын сорни торкве пини,
Торыт сюлтгын совыт йини.

Колум хосит ёмантэгум,
Хуюнгкв эри — ёл-хуегум.
Хуйнэканум сёпитаве
Апрынг катуп суинг вотын;
Порхайн сахил пантапавем,
Макемн вивем улмынг катын.
Анум ласьлакв нёвititэ,
Номтынг улме потыртитэ.

Махум хольт ам оньсегум сёл,
Махум хольт ам оньсегум кол.
Колум яныг, хоса, карыс,
Пахынг сярмат луи сярысь.
Ам колум — лёх,
Элумхолас ёмнэ лёх.

Колум сагынг маньнэ хурип,
Регынг олси, варси турап.
Торумт хотал мовиньтали,
Раквынг тулкве люньсиглали.
Ёмантэгум, эргантэгум,
Упойкам хольт ёмантэгум.

Тав этпосыл яласалыс,
Нёхыс кесил коиглалыс,
Ам ос эрыг коянтэгум,
Таимагыс яласэгум.

Ам хурипам маньлат махум,
Сотыр, сотыр комсомольцыт,
Хоргын сампа воринг махум
Аквтох, аквтох яласэгыт,
Товлынг соткве кинсантэгыт:
Хотъют мантыл, хотъют ёсал,
Хотъют трактор ялнэ касыл,
Хотъют вари йильпи керлёх,
Хотъют унтти йильпи усыт,
Хотъют пелпа сярмат лув тох,
Апрынг салит ёт тав каси.

Яныг колквет ам олэгум,
Яныг соткве ам оньсегум.
Ам колумн ёхталэна,
Суинг эргум хунтамлэна.
Хотъют ёмунгкв вагталпатыс —
Сялтапалэн, сялтапалэн...
Эргум лёнгхын алмаелын!
Молях, молях кон-квалэна,
Яныг колын сялтапена!

РОССИЯ

Агирисюмн

Хунь сянюм асирмана тайвес,
Хунь симум тавкет хультыс мат,
Хунь симум полям янгк хольт польвес,
Тонт вангнумт хулаясум кат.

Тав катэ сака регынг олыс,
Тав сярмат оньсис хотал рег,
Тонт полим симум туйт хольт толыс,
Та хотал намвес Россияг.

Тав симынг ханисьтан нэ хурил
Ам похамн люлис сярмат сянь.
Тав анум мистэ номтыл, ёрыл,
Тав тактапас портынг нянь.

Хунь сюлтгын сампа пыгыг емтсум,
Тав илттыг емтыс агииг.
Русь аги ляльт ам сунсунгкв патсум
Эруптан самуп маньси пыг.

Тав касынг олыс, тав мовиньтас,
Тав сярмат туя варыс кас.
Вос сали пурнэ уй орвиньтас,
Тав люньсинг тистил сяр ат вас.

Тав ам похамын юртыг люлис,
Тав анумн русь нэ симе мис...
Тонт маглумт товлынг хотал тэлыс,
Тонт симумн сялтыс сюнинг йис.

Мань агирисил муйлуптавес
Ти хотал хольгын маньси сим,
Ос йильпи регыл овумлавес,
Тав ратунгкв патыс эргантим.

Ань сюнькве Ас хольт овунгкв патыс
Тав хольги маньси симум палт;
Ань сярмат сяням самынпатыс,
Тав сярмат ёхтыс пыге палт.

Тав симет йильпи келуп ови,
Кос маньси самыг сунсантэг,
Кос русь нэг вос тав лавыглаве,
Кос лавыглаве маньси нэг.

Мен таве янмалтиламена,
Вос яныгмангкве пати сот.
Мен таве ханисьтилумена,
Вос элаль тоти ма мир нот.

Юртынгысь вос ма мир оли
Ань русь ос маньси олнэ хольт.
Вос эрыг сяр ул харыглали
Русь Нева ватат ос Ас вольт.

Туп вос тав вагтэ: маньси асе
Тот суймыс маньси эрыг-касэ,
Русь мир халт хонтыс симынг рег.
Вос тии конт ул ёрувлэгыт.

НАНГЫН КИНСИЛУМ

НАНГЫН КИНСИЛУМ

Нангын кинсилум, кинсилум, кинсилум.
Нангын хонтилум, хонтилум, хонтилум.
Эрынг ляпат нанг олэгын-хулэгын,
Эрынг Миснэ хольт ёмэгын, ялэгын?

Нянгра вотыт ляльт ёмегум, минэгум.
Овра овыт ляльт товегум, хилэгум.
Посынг этпос кис сунсима кинсилум.
Сорни хотал сам сунсима хонтилум

Ёли торумт хунь олэгын,
нанг люль хунь!
Ёли торумт олунгкв—нанг тамле хунь!
Нуми торум аги нанг ос ати, ати!
Нуми торумт симынг нэ атим, атим!

Туйтынг марись туйтыт халт самынпатсын,
Туйтынг марись туйтыт халт хот-туйхатсын.
Туйтынг ма туйт халт капыртэгын, рупитэгын,
Русь-маньси апыр катыл апырлэгын,
Сат тал яныг номтынг план товылтэгын.

Пора ёхти, аниглахтунгкв тахмаегын,
Эруптангкве, синыгтангкве хасэгын.
Нанг сака ёмас, сака нёмса ти йис нэ,
Нанг ам симум, симум киснэ нёмса Миснэ.

Посынг этпос кис сунсима кинсилум,
Сорни хотал сам сунсима хонтилум.
Нангын кинсилум ,кинсилум, кинсилум.
Нангын хонтилум, хонтилум, хонтилум.

* * *

Хулыт олнэ мат
ат яли кати,
Нёхыс ёнгын мат
нанг лёнгхын атим.
Туп холипалыт
алпыл нэгли холи,
Туп махум халыт
улпыл симын оли.

НАНГ ТАЛЫН

Хоталтал — ма турман,
Салитал — лёх хоса,
Нангталын — асирма,
Нангталын — эсырма
Ёмунгкве ма хосит.
Нангталын — люль ёса,
Нангталын — люль сали,
Ат суйти суинг тумран,
Най сяр ат пеламли.
Тинынг Миснэ, нэглапен,
Хоталум маелын,
Каркам сали маяпен,
Ёсам пелпаг вурелын,
Вос толи ма турман,
Вос суйти нэ тумран,
Най молях косамтэлын,
Сюнингыг анум варелын.

* * *

Атырхари торум сам
Ам ляльтум сунси,
Сагынг хотал ласкат кат
Ам палтум нюнси.
Туп нанг самагын, юртнэ,
Ам ляльтум ат сунсэг,
Туп нанг катагьн, юртнэ
Ам палтум ат нюнсэг,

* * *

Хотыл ёхтысын,
Хынь-отыр аги?
Хонгхан кетвесын,
ёли ма аги?
Маньси хум симум
манрыг тэлыгтилын?
Посынг эт пунгкум
манрыг тэлыгтилын?
Сурти мис хольт
манрыг сартхатэгын?
Сярмат саранонгх
перыгтахтэгын?
Нанг хоти овлын
лосьгаве, лавен?
Хонгхан, хонгхан нанг
тох калсялтавен?
Ат ке пойтэгын,
сяхлыт вовегум.
Ат ке пойтэгын,
вотас вовегум.
Сихрем потран
найн сяравет.
Кантынг сяхлытн
тан вос миргавет,
Поргын вотасын
лап вос тотавет!

ЛЯМ ЙИВ

Лям йив тэли вольги,
Войкан саквыл сульги.
Сярмат люли аги,
Сярмат хотъют ури.
Маглэн туйтсам таги,
Акваг вари хури:
Войкан кит пайтаге
Нэрпыл сартияге,
Савсир хорам маси,
Савсир сотыр выг.
Алпыл уйсов маси,
Акваг ури пыг.
Туп эруптэгум ам,
Хунь йивыт тэли лям,
Хунь йив тавки хуринг,
Войкан сёрил сёринг.
Хотъют ёмаслахти,
Тав нас варыглахти.

КУРИНЬКА

Куринька овылтавес.
Нэкве уйн ёхтыгпавес:
Няльсинг сыг хольт сякарали,
Янгуй кой хольт поргасьлали,
Аньт хольт лаглэ вангкырлали,
Туя лунт хольт уйгасьлали.
Эрыг эрги, йикви, порги,
Нелмынг най хольт супе хорги.
Сангквалтапыт сангквалтэгыт,
Мир катпаттат ратхатэгыт,
Вагылтавес сярмат уй.
Уи, уи товлынг суй...
Махум самытт йикви кас.
Хотъют тамле кас вас?!

* * *

Торум хосит нэ уй суси.
Самын сунси торум эт.
Луи вот ёт айхар каси,
Сярмат вагтэ аги рет.

Аги ювле хуньпыл ёнгхи,
Сунын талме юи-палт?!..
Веськат нэрись аги лёнгхе
Та патырас туйткве халт.

Туп туйтынг ма туйтын вайвес,
Туп сунсыс кисынг этпос кис,
Хумле нэрись аниглавес
Пелпа айхар хайтнэ сис.

ХУЛ АЛИСЬЛАНЭ НЭ

Хот росинг емти вата,
Хот ал тиламли хумп
Тот маньси аги катэт
Торги хулынг хулп.
Тав уйрись хуринг палет
Пальсимсяк хунь торги,
Тав вотын вотим пайтэт
Сорни хотал хорги.
Самхульпунаге хул хольт
Киттыг уянтэга,
Кит самынг аги сам хольт
Питьмиг сунсантэга.
Тэн сярмат аняпангкве
Анум емталэга,
Тэн сярмат лягалангкве
Матыр атхатэга.
Туп астал витын вагли
Аги сэмыл саге.
Туп Нёр хольт карысь маглэт
Сярмат хотъют саки:
— Нанг эруптэгын мот нэ,
Нэрпыл тав сартхати,
Хул нялъсинг самыл суртнэ
Совыл хунь масхати.
Хул нялъсинг сам хунь хани
Потыр хулнэ палет,
Тот сярмат вольгын ани
Пальсимсякрись хани.
Ам симум хулп хольт торги,
Сярмат Миснэ хонтыс!
Элын хулкве порги...
— Я-кай, мана онтас, —
Та аги илттыг лави, —
Мот нэ эруптэгын,
А анум—симумн ваве —
Молях ёрувлэгын.

* * *

Тинынг сянюм реге хосат ёрувласлум.
Хосат сянюм арась харыгтавес.
Мот хум арась ватат симум янмалтаслум,
Няр хул хольт тав сав сёс полиглавес.
Тинынг Миснэ, молях арась косамтэлын.
Симынг регкве хосат урантэгум.
Торум янит найкве симынт пеламтэлын.
Нанг наин ватат эрынг регтыглэгум.

ЛЕНИНГРАД УС МИСНЭ

Ленинград ус аги,
эрынг соль нанг Миснэ?
Хуринг русь нэ лави:
— Ати, ам ти йис нэ!
Эрттам мот йис аги
симум акваг кинси,
Миснэ хурип аги нупыл симум сунси.
Нанг кос Миснэ ати,
ятил Миснэ хурип.
Эрынг нотын вати,
симын оньси хури.
Соль, Нанг ётын пумась,
симум пумась ури.
Рупитангкв нанг каркам,
апыр лаглын—катын.
Ат ворати сярка
нанг нэрптал супынн.
Миснэ хольт нанг нёмса,
Миснэ хольт нанг симынг.
Акв сёс лавнэ латнгын,
сярмат сорни тинынг.
Ленинград ус аги,
вос кос нанг ти йис нэ;
Ленинград ус аги,
соль нанг, соль нанг Миснэ.

* * *

Нанг самагын
сэмылыг,
Нанг катагын
апрынгыг,
Маглын Нёр хольт
карыс,
Регынг сярмат
арась.
Та арасинн ке
юсвесум,
Катагынн ке
пуввесум,
Самагынн ке
сусвесум,
Тонт мунт товыл
осьсум.

ОХСАР

Вотас товыл йикви, ёнгхи.
«Хот сар оли охсар лёнгхе?»
«Вий-ю! Вий-ю!—эрги вот,—
Охсар оли тот, тот!»
Айхар оста сулинти,
Туйтнял тонгхыл пахвтим;
Ампум суныт орвиньти,
Вотас варыглахти.

«Вий-ю! Вий-ю!—эрги вот,—
Охсар оли тот, тот!
Лилинг атэ тувыл паси,
Лёхрись хури тот тав хаси...
Лувын такысь вос каси,
Ам ётум вос каси!..
Вий-ю! Вий-ю!—эрги вот,—
Охсар оли тот, тот!»

Сярмат улумн патапасум,
Хуринг вильтын касаласлум:
Нанг маглыныт охсар юнсыс,
Ам нуплум люльсанг сунсыс.
Туп нанг суссын сягтим вильтыл,
Аквтоп лавсын: «Ятил, ятил!»
Элын охсар салаяс,
Вотас халыт толаяс;
Симум най хольт хораяс,
Хомсим лув палт порыгмас.
«Вий-ю! Вий-ю! — эрги вот, —
Охсар оли тот, тот!»

* * *

Этпос ке пости —
олупса ёмас.
Хотал ат касти —
олупса ёмас.
Катын ке нюнси —
нанг эрынг ёмас?
Этпос хольт постэн
ам эли-палумт.
Нанг сяр ул кастэн
ам эли-палумт.
Самын вос сунси
эрупсанг самыл.
Катын вос нюнси
туп сяхни тал.

СЯХЫЛ ЭЛИ-ПАЛТ

Хотал катэ сюльтгын витыт ёнги.
Торум харыт хани нюли-кис.
Нёлынг лёмуй аня панги, панги
Сэмыл вильтуп сяхыл хахнэ сис.

Вольгын Аскем вильт суснэ кер хурип.
Нёвумтаттал люли онгхынг вор.
Хулигласыт Ас витхарын хулыт
Енгта самыл сунсунгкв торумхар.

Тавант-тавант, салил салаяли,
Сорни хотал, нанг ос нюли-кис...
Мана хури торумт олыглали!
Мана нётнэ аги анумн мис!

Лёмуй аня панги, келуп ури,
Вови, вови, вови ракв витсам;
Улпыл тангхи тулмантангкве хурин,
Улпыл тангхи, вос кантмавем ам.

Элын торум лап-хартхатунгкв патыс,
Сяхлыт самытт салги сорни най.
Уй йикв йиквунгкв элын Ас воль патыс,
Пум ёл-хутыс, люньсис тахыт-най...

Туп мен элапалмент ёнги, порги
Русинг тангхуп войкан маглуп хул.
И нанг самын сярмат хотал хорги.
И ам симумн ингыт сялти тул.

Хумпыт утсам йикврись ляпан-ляпан,
Суйнгысь, суйнгысь лёмуй пангын суй...
Соль ман мен ат минимена акван?!
Соль ман сялти мен халмена уй!

* * *

Нэматыр мен ат оньсимен.
Хумус акван-минимен?
Ат оньсимена тасэ няли,
Ат оньсимена хуйнэ ма.
Лавынг сяхыл мираяли.
Пилылтахти асирма.
Туп мен сяр ат пилимен.
Менмен пес йис тась хунь эри?!
Эрупсан симыг оньсимен
Ос йильпи йис сюнинг эрыг.

* * *

Вос кос этпос сунси —
нангын аниглилум,
Вос кос катэ нюнси —
нангын аниглилум,
Вос кос ампрись хорти —
нангын аниглилум,
Вос кос саме харти —
нангын аниглилум,
Улпыл
сака,
сака
нангын
эрүптилум!

ЭРГЕГУМ-ВОРИТОТЭГУМ

* * *

Анумн товыл ос хоса лёхъяс эри,
Тамле лёхъяс нэмхотпа ат вас.
Вос симумт рати хурахлан сим эрыг,
Вос туйт хольт сульги маньси мирум кас.

Ам сака мосься посынг торумт олсум,
Мосься эрыг хулыгласум ам...
Хул ались махум арась пеламтэна,
Симумт эрыг молях косамтэна,
Вос луйгунгкв пати симумт луи мам!

Ам симум, роттыг сяр ул, сяр ул оли,
Войхатас ке эргунгкв—ёмсякве эрги вос!
Мирум люньсь ке люньси—келпыл сим вос ови,
Макемн сюнь ке ёхти—вос ови симныл кас!

Тонт эрынг нотынг эрыг варапегум,
Хотти симн хотал эрынг мыгум ам;
Тонт эрынг нанан рег ам маяпегум,
Манос нэгылтэгум самныл самвитсам.

Вос кос вотас шаман хольт вос каи,
Вос кос лап-тотаве ам миннэм лёх,—
Хольгын симкем, макем лилтуп аен!
Симрен симумт хайтнэ сали тох!

* * *

Сака хоса сярмат агмынг олсум,
Сотыр тал сярмат олсум ам.
Сав сёс сярмат самынпатыгласум,
Сав сёс люльсанг сунсыс хотал сам.

Эргункв, йиквунгкве емталасум тикос,
Паттыглавесум нянгра вотын ёл.
Нэглапалыс хотыл симтал вотас,
Сярмат элумхолас сови нёл.

Йиквсум, люсьсум, вориготсум сав сёс.
Люньсюм ёт ам рамыглавесум манн.
Эрынг симум полям толхпат нёвсыс,
Полям толхпа торгыс сярмат тан.

Маньсит пилсыт, маньсит астал люсьсыт:
Мось кос роттыг тит вос хуи тав.
Тувыл астал туйтыт халыт суссыт.
Нотыт палит васыт тамле сав.

Тувыл ос нох, нох ам квалыгласум,
Савынгканыл квалыгласум хунь:
Хотти нэрись пукит самынпатыгласум,
Хотти нэквен варыгласум сюнь.

Катыг—лаглыг осьсыт йильпи нёвыль,
Туп пес йис агум оньсис сим.
Эрынг естигласум йильпи товыль—
Симумт унлыс агмынг маньси сим.

Йильпи нот,
Йильпи нот ань тэлыс,
Сюнинг эрыг эргантэгум ам.
Сярмат хотал макемн исапалыс:
Мовиньт вильтыл хунтли эргум мам.

Мапорс уйл хунь пыл контги павыл —
Няврамаквел контги касанг кол.
Сунанува ат тэлавет пумыл,
Коланува ат патэгыт ёл.

Салиянув тэли ат усэгыт,
Ворт ат ути салипурнэ уй.
Агумварнэутыт ат сусэгыт,
Сяр ат суйти тамле эрыг—суй:

«Ман минэва, макев хулилува,
Самынпатунгкв воссыг ат тачгхев.
Туйтын лаш тотавет ёсанува,
Сэмыл нёхыс коюнгкв ат патэв»

Хулыл, сотыл контги Асум,
Сярмат нерынг хумпыл ёнгхи.
Люньсинг лули хунь пыл ронгхи —
Суйти маньси эрыг—касум.

Уй хольт ам ат туйтхатэгум:
Порхай халыт эргантэгум.
Ам кос сорни хотал ати,—
Анумн эри постунгкв эти.

Мирумн регкве тотунгкв эри,
Мирум ури суинг эрыг.
Самум хотал хольт вос хорги,
Супумт маньси сот вос лурги.

Эргыт соль вос тиламлэгыт,
Салит хольт вос сулинтэгыт
Туя хольт вос уи, уи.
Мирум йильпи эрыгсуе.

* * *

Сянюм олыс маньси агиит,
Пунгкыт оньсис суинг сагыг.
Оньсис асюм сяклинг атыт,
Самынпатсум маньси катытт.
Маньси латынг симумт эрги.
Маньси сирыл симум сярги,
Олунгкв тангхи эрыг ёт.
Номтум кинси маньси сот!

Хотъют люль самыл тот сунси?
Хотъют нелме хосаг нюнси?
Маныр, маныр тавен эри?
Манрыг панги сярмат сэри?
Эрынг эргум люльсанг ови?
Манос олунгкв тох ат рови?
Эрынг олунгкв пес сирыл?
Эрынг эргунгкв пес турыл?
Эрынг вингкве няйтынг саграп,
Поиксянгкве торум нупыл?
Эрынг атунгкв пупыг таврит,
Потыртангкве торум супыл?

Ати! Ати !Ати!
Вос кос ман мань маньси махум,
Ман русь сырыл лавев: «Хватит!»
Ман ат васув келпынг такум,
Вангкве ат тангхева!
Ман аквти хурип маньси махум,
Но йильпи сирыл тумайтэва!

Тангхев олунгкв посынг колытт,
Ханисьтахтунгкв номтынг школатт,
Ма янитэт яласангкве,
Хоталь олнэ сянгкве вангкве.
Йильпи эргыт варунгкв патэв.
Товлынг йиквыт йиквунгкв патэв.
Ма мир пуссын вос атхати,
Касынг катпатта вос рати!

Хумус маньси хотпа хаси,
Хумус вотыт ёт тав каси,
Хумус, хумус рупитали,
Хумус катэ апырлали,—
Суссылтилув мирын пуссын!
Сартын тамлют хот нанг суссын?!
Маньси латынг симумт эрги.
Маньси сирыл симум сярги.
Туп олунгкв патэв мот сирыл,
Эргунгкв патэв йильпи турыл.

Ёлимтиянув вотыт пуссын.
Сартын тамлют хот нанг суссын?!

МАНЬСИ НЭН

Маньси эква вораяли,
Тангхынг хулкве алисьлали,
Мисныл воинг сяквит поси,
Хуме пангкынг совыт поси,
Сагри наив, сёвал палти,
Вари хулвой, нёвыль пайти,
Ойкарисе регылтали,
Няврамакве оньсиглали...

Мана савит савсир вармаль,
Мана савит савсир ярмил
Ойка тавкет соль мунт оньсис,
Тонт мунт этэ-хотал люньсис.
Нёлэ нох-тотим ань яли,
Сярмат тавкет торумт оли,

Экварисе саватитэ,
Пуи колн ат таратитэ.
Вильтэ торыл пантим оли,
Махум халыт кастим яли:
Ойка улпыл сака пили,
Нэтэ мот хум палт ул мини,

Хуринг вильт ул касалаве,
Мот хумн тав ул алмаяве.
Улпыл, улпыл таимагыс
Тав тох лави: «Торум лавыс:
Хумит халыт кастим ялэн,
Сяр ул хангхен кол алан».

Эй! Маньси агит, маньси нэт!
Ангкваталэн ма янитэт!
Мана савит суинг вармаль
Ти йис эква варыглали!
Мана хурип рупат тармыл
Ти йис нэрись унлыглали!

Нанг ос, нанг ос манрыг аквтох
Ат тангхегын торумт олунгкв?
Русь нэ хольт соль сяр аквтох
Тортал вильтыл маквет ёмунгкв.
Кер самп пыгыт вос сунсэгыт,
Хумле самагын суртгегыт,
Хумле пайтын келпыл хорги,
Хумле сакынг маглын торги.

Книга ингыт ке войлэгын,
Молях, молях катынн воен.
Книгат товыл нанг хонтэгын,
Книга посыл ёмен, яен!
Кол алан ке тахмаегын,
Хангхен, хангхен кол алан.

Маныр, маныр пилантэгын?
Сакватавет манаран?!
Лув сис тармыл талэн, талэн!
Русь нэ сирыл ёмен, ялэн!
Нарынг- карынг кол палкент
Олэн, унлэн кусяиг!
Хотъют, хотъют туя макемт
Верми олунгкв сюнингыг?

* * *

Пес йис порат самынпатыс асюм,
Хунь элумхолас олыс сярмат вальсям,
Найкве палтнэ тосам вальсям хольт.
Тосам вальсям косамталвес,
Нелмынг найквен таяпалвес,
Хультсыс восынг хульм
Ос элумхолас улум.
Опамн асюм тиналалвес,
Асюм касырн касырлалвес.
Ватахум палт рупиталс тав,
Васинталыс батрак хотпа сав.

Пелпа Ас вит лонгхаль овыс,
Кусяй хапыт асюм товыс,
Симынг симе такысь сяргыс,
Марсюм эрыг ласьлакв эргыс.
Тикос ёмсякв рупиталыс,
Опам арнт ат холыглалыс,
Тинынгыг емталалыс нянь.
Этэ-хотал люньсис сянь.

А тихотал ангкватугум
Асюм нупыл сягтантэгум!
Батракыга олум асюм,
Пес йис торум тосам вальсям
Мана хольта хораяс!
Мана хольта олмаяс!

Керынг саграп шаманытн
Асюм тикос, тикос сатвес,
Нялынг пукип кулакытн
Асталакве тикос ратвес,
Ленин лёнгхын асюм люлис,
Каркам маньси мире ёт

Овыл колхоз павылт варыс,
Маньси макемн исыс сот!
Ватын ат тал най хольт хоргыс,
Председателига олыс.
Воритотыс, йиквыс, поргыс,
Колхоз тасингыга варыс!

Мана савит вагтал колхоз
Асюм паттыглалыс нох!
Номсыгласум ам ос сав сёс:
Анумн эри олунгкв тох,

Аквтох рупитангкве эри
Тинынг мирум магыс,
Тох вос тэли симумт эрыг,
Хумус асюм эргыс!

Симум сака, сака сягти:
Асюм мирумн эруптаве!
Маньси мирум вармаль вагтэ,
Коммуниста янитлаве!

Коюнгкв патэгум асюм лёнгх!
Олунгкв патэгум ам аквтох!

* * *

Марсюм эрыг, сэмыл вильт,
Пут хольт сэмыл катыт...
Негыр махум агит, пыгыт
Оньсегыт сэмыл атыт.

Негыр, негыр — мана мир?
Хонгхан ёмсякв вайвес?
Хонгха магыс йирыс йир?
Хонгхан симе тайвес?

Манрыг самныл сунси эт?
Марсюм эрыг ови?
Манрыг негыр ёмас нэт
Сунсантэгыт сови?

Хотыл тэлыс яныг лав
Элумхолас симытт?
Эрынг васыт тэтал сав
Мортим макве самыт?

Ман кос олэв янгкынг мат,
Туйт хольт мовиньтэва.
Сярмат луи асирмат
Регкве хонтантэва!

Ати, ати! Люлит хунь
Сэмыл негыр махум.
Тулмантавес негыр сюнь
Келуп айнэ такумн.
Аялавес махум сюнь
Тасинг войкан махумн.

Хул хольт сюлтги негыр сам,
Сярмат мурмасьлали.
Касаласлум илттыг ам—
Негыр мовалали.

Оньси, оньси негыр кас
Юртрисянэ магыс.
Тии люль хум ат ке вас,
Юртхумн касалавес.

Ам сунсэгум йикве ляльт:
Алти нох-тиламли,
Сярмат маньси симрись палт
Исапангкве молямли.

Касаласум илттыг ам:
Сярмат сунси, сунси
Лумумба хум сэмыл сам,
Хотал палт тав нюнси.

Сайкалэна, сайкалэна,
Торумт хотал ёнгхи!
Люлюмтэна, люлюмтэна,
Лумумба хум лёнгхын!

Негыр сягтил йикв хольт вос
Макве хосит уи.
Вос регылтаве симе мус
Касынг негыр туян.

* * *

Манрыг пунгкын таратаслын ёл?
Симынн агум варыс хоти нёл?
Молях пунгкын алмаелын нох!
Эсырма ялунгкв маньси хотпан тох!

УЛУМ

Симум сярмат касайн яктапавес,
Сярмат сэмыл хулахн сипгавес,
Симум поргыс, симум агмынг олыс,
Сярмат асюм манос сянюм холас.
Ати!
Симум поргыс таимагыс,
Таимагыс номтум сагыс—
Ти эт эткве палит алам юссум,
Ти эт эткве палит улум суссум.
Аквтоп аюм маньсит капыртасыт,
Савсир урыл мори поргыгласыт,
Колкан тармыл куринька хольт ёхсыт,
Ам нуплум тан мори рохсыт:
«Ман аялэв! Аялэв! Ос! Ос! Ос!
Ман туритэв! Аялэв!...
Нанг ос?!
Тувыл касай магыл салаялыс,
Иснас лупта санглаталыс,
Люсьсуй, рохсуй, эрыгсуй,
Торгыс торум, поргыс суй,
Китхал патыс ма-вит уй...
Симум сака агмынг олыс,
Сярмат ма мир китхал патыс,
Сярмат тинынг сянюм холас,
Наил ёнгасангкве патыс.
Аквмат мат нэглыс хонт,
Симум ратгалтахтыс тонт
Итъя лув хольт найкве порги,
Касынг колыт нелме хорги,
Тав хот мини—
хульти сяри,
нэлти посим,
агум вари.
Вильтыт сови хартхатэгыт,
исхорыт самнпатапегыт,
сюни агум,
сюни мос...

Келпыл ови касынг ус.
Симум агмынг олыс тонт,
Сярмат ос нэглыс хонт.
Ати! Ати! Ат тангхегум!

Ам эруптэгум
регынг хотал,
лилинг хулкве,
атыр эт,
войкан вильтуп хуринг нэт,
лунтыт рохсуй,
хальрись тов,
симынг суинг эрыгсов...

Тии пуссын эруптэгум!
Хонт?
Келуп?
Ати!
Ати!

Ма мир китхал хуньпыл пати!
Ати! Мирум алам сака ёр:
Нох ке люли—ёлын хульти Нёр,
Макемт алам йильпи хотал тэг,
Мирум симет сясги Ленин рег.
Атыр торум, посынг эт...
Хумн товлавет хуринг нэт,
Макем хосит уи сюнь,
Аюм махум,
келуп,
хонт,
сэлянг-нялынг патроныт,—

Сумп улумт васанум.
Торумт сяр ат васанум,
Тамле нак тэли хунь!—
Мана сюнь, мана сюнь!
Сярат тэли тамле нак!
Макем хосит уи сюнь!
Акваг вос уи сюнь:
Сюнь! Сюнь! Сюнь!

МАНЬСИ ЭРЫГ-ХАНСА

* * *

Кантынг хармис оньси аньт,
Роттыг паля оньси аньт,
Керынг хомлах оньси аньт,
Хуринг сали оньси аньт.

Аньтынг сорт оньси аньт,
Этпос кис оньси аньт,
Нарынг махар оньси аньт,
Нуми торум оньси аньт,

Элумхолас оньси аньт,
Элумхолас аньт — кант.

* * *

Сорни ангкум, сорни сянюм,
Манрыг молях эла-люльсын?
Веськат катыл сэлум нянюм
Манрыг, манрыг нанг ат урсын?

Махум хольт ам емтсум янгыг,
Сав ма, сав вит яласэгум.
Маньси нянь ань емтыс аньныг.
Кинсум лёнгхын ам кинсэгум.

Манрыг молях эла-люльсын?
Манрыг пыгын нянь ат урсын?

* * *

«Самын сэмыл сярмат сэмыл эти,
Самхульмпуныг уй хольт тиламлэг.
Сахин регынг сярмат регынг пити,
Эрынг ти сахит хонтэгум хотал рег?»

Туп та аги асталакве лави:
«Нанг ман воруй, ман ос сэмыл кати?
Соль ке элумхолас? — тотта ави,
Ави порхай мус лёх сака вати.

Сунсэгын ке, ам ляльтум сунсэн,
Рег ке кинсэгын — ам палтум кинсэн».

* * *

Рег ке эри—емтапегум найг,
Котыртахтын исум сяиг.
Най хольт нангын регылтилум,
Сяй хольт нангын толылтилум.

Восьгил эри—емтапегум вотыг,
Вильтын такысь восьгылилум;
Емтапегум нявлак витыг,
Такысь, такысь синыгтилум.

Туп нанг супын астал лави:
—Ёмас ойкаг, ойкаг олэн!

* * *

Сали хайтум ворнёл хольт нанг карысь,
Хайтнэ янгуй хольт нанг хуринг.
Войкан пайтын хорги сярмат арась,
Суинг туруп хотанг хольт нанг турынг.

Вос кос торум хосит яласэгын,
Эли-палынт патри сорни хотал,
Гаганова хольт кос рупитэгын
Элумхолас сорни катыл,—

Нангын хунь ам эруптэгум!..
Тинынг юртум эруптэгум.

* * *

Сав хум магыс хотал регкве вари,
Сав хум нупыл сунси этпоскис,
Сав хум магыс торум атырхари,
Йирынг макве сав хум симкве вис.

Нёр вот аги сав хум аниглали,
Синыгтали сав хум сякынг вит,
Воркве путин сав хум туйтыглали,
Сака сав хум олыглали тит.

Туп нанг
ам магсылум олэгын,
Туп нанг
анум аниглэгын.

* * *

Нангын ам ат тулмантаслум,
Салил хуньпыл хаилтаслум,
Хуньпыл хапыл тотыгласлум,—
Тэлыс йильпи йис.
Нангын ам ат ёвтыгласлум,
Нангын ам ат пентыгласлум,
Хунь нанг симын хонтыгпаслум—
Симын такви йис.
Аги намын анумн мислын,
Тонт ам нангын экваг вислум.

* * *

Хотъют лавыс: «Симынг нэкве атим,
Симынг, «тюпынг» латынг ёрувлавес?»
Хоти сэмыл вильтуп хум тох лавыс?
Каргын амп тав манос сэр вор кати?
Сови вильт тав эрттам ёрувластэ,
Хотыл нэглыс, хонгхан янмалтавес,
Пангке няртвес, такысь аниглавес...
Соль ман симынг сяне ёрувластэ?
Эква сансыт яныгмев,
Манрыг тии ёрувлэв?!

* * *

Волькве хосит хайти лули,
Хумпынг лёхъяс витыт хули.
Астал Ас воль хумплалтавес,
Вольгын вит ос сакватавес.
Тувыл витсов ротмалтахти.
Элаль аквтох вольгалтахти.
Хунь нэ сим люль хумн нёвумтаве,
Вольгын вит хольт сакватаве.
Торгамтаве нэквен молях,
Лули лёх хольт ёрувлаве.

* * *

Сярмат вольгын хангхылтап
Ворыт янгуй люли,
Сярмат суинг сангквылтап
Хоса пале хули.

Ласьлакв аньтэ невити,
Хунтлим сэр вор суйкве.
Илтыг симум нёвумти:
Мана хуринг уйкве!
Янгуй хури касили ке симум.
Нанг нэ хурин атхунь касалилум.

* * *

Такви латнге тикос вагтэ—
Латнгел ат потырти.
Маньси эрыгн ат сягти,
Нёлэ нонгхаль харти.
Маньси ёт ат пасялахти,
Маньси катныл пили.
Ёрынг хум хольт ёралахти,
Латынг тав ат хули.
Хотъют тэлум латнге ёрувластэ,
Сярмат сяне полхыл салимастэ.

* * *

Войкан витуп тэпынг Асувт
Хулт халт оли полсинг касэв.
Тангхынг лэге тикос вати,—
Полысь хулнэ пале хоса;

Алам сака няльсинг ати,—
Саме яныг, сярмат ани.
Ат кос оньси пелпа ёса, —
Сав вит яли, ляхал тоти.
Полсинг экварисит хольт
Эри ратунгкв таве пальт.

* * *

Няльсинг сисуп няльсинг сыг,
Хоса лэгуп няльсинг сыг,
Сака сякарали,
Наста вангкарали.
Лилинг келуп сипги,
Хола невыль сипги.
Таимагыс полхынг,
Таимагыс няльсинг,
Тикос сатантилын,
Катыл ат пувилын!

* * *

Хонгха лавыс: сэр-мор ворыт
Сохыт люльнэ вор йив холас;
Хонгха лавыс: посынг торумт
Ати симынг элумхолас.
Вор йив тикос сагрантаве,
Йильпи мат тав тэли нох;
Нелмынг наил сяритаве,
Сяринг маныл люли нох.
Утсам вор йив тох ке оли,
Хунь пыл элумхолас холи!

ХАЛЬ ВИТ

* * *

Манрыг Хальус Хальусыга лаввес?
Эрынг олыс халил тэлим нёл,
Эрынг сав тит луптанг курась варвес,
Эрынг олыс кортынг пувлын кол.

Улпыл соль тох пес йис варваль олыс,
Улпыл соль ат эруптавес пангк,
Улпыл сав сёс сисын ханаялыс
Люль келп таратанэ сорт хул пунгк.

Хунтамлэна, али ма ер махум,
Хальус усыт яныгмасум ам.
Симум тэлыс маквен сярмат махар,
Вагтал патнэг эрги луи мам.

Эрынг катын курась ам ат выгум,
Хуньпыл выгум пелпа сорт пунгк ань.
Тинсянг хольт ам пелпа латынг лыгум,
Турет пувумтилум товлынг сюнь.

Эргум курась хольт вос котартахти,
Вос тав рампги сярмат суинг халь.
Касынг симыт вос тав ратгалтахти,
Вос хунтамли касынг хотпа паль.

Наскассыг хунь эрупталыс курась
Пес йис порат савынг маньси мир,
Наскассыг хунь суинг эргыт варыс,
Наскассыг хунь эргыс курась нир.

УС

Ёнгхыс, ларгыс ахвтас ус.
Усыт сяр ат олсум.
Самыг вагтал патнэ мус
Тыгле — тувле суссум.

Луи карыс нёрыт хольт
Ахвтас колыт люльсыт,
Сюлтгын сампа уит хольт
Кер машинат уйсыт.

Регынг хотал сорни саг
Торумт сярат нангки,
Ёр автобус посим лэг
Ульца хосит вангки.

Хумле вольгын посал яс
Сорни хулыл контги,
Сярысь хольт яныг ма ус
Аквтох мирыл сонтги.

Ёнгхыс, ларгыс мирынг ус.
Усыт сяр ат олсум.
Самыг вагтал патнэ мус
Тыгле — тувле суссум.

Сярмат карыс ахвтас колн
Тармыл ти патавем,
Хайтнэ машинарись нёлн
Тара ти пелавем.

Хуньпыл ронгхи яныг уй,
Пупа сам хунь суртги...
Машинарись рохнэ суй
Вор хум палюм хунтли.

Тит ат луйги эргын сес,
Сира кас ат вари...
Мирыл нёвсын ахвтас ус
Оньси мана хури!

Ёнгхыс, ларгыс ахвтас ус.
Ахвтас хольт ам суссум.
Сат ур сампа симе мус
Таве тонт ат васлум.

АС ЭРЫГ-МОЙТ ЛЕНИН ОВЫЛТИТ

Мойт йис порат хотал постыс,
Нотыт палит воти вот,
Хосат тагыл лонгхаль хайти
Войкан витуп эргынг Ас.
Тав сав маньси эрыг хулыс,
Мовалалыс маньсит ёт,
Тав палтэ сав самвит овыс,
Сав сёс мирум тистил вас.

Аскем ватат ёмантэгум.
Восги, восги лургын хумп:
— Мир эли-палыт самынпатсум.
Ваглум маныр олыс хунь.
Васлум, хумус ма мир тэлыс,
Хумус исыс овыл лунт,
Хумус овыл тахыт ронгхыс
Овыл ялпынг тур сунт,
Хумус сорни хотал ёнгхыс,
Хумус ма мир урыс сюнь.

Маньсит ёт ам польсавесум,
Хунь кантмалавес луи вот,
Хунь ман ёхтыглалыс тэли,
Полиглалвес сюргын вит.
Хунь павлыт палт йиквыс вотас,
Туйт халт тэлыглалыс сот.
Тонт ам ос кос польсавесум,
Туп янгкыт аквтох эргыс вит.

Таимагыс сав ам вагум
Эрыг, люсьсов, савсир мойт...
Пора ёхти, эргиянум!
Хунтамлэна, ма мир коит:
— Ам нум-палумт сярмат ёнгхи
Атырхари туя этрись.
Ленин наме сярмат сира
Ханаяли вит ос палт.
Манасавит сира ёнгхи!
Манасавит сюнинг мовиньт!
Посынг хотал сорни торе
Ат харыгли тулыт халт!

Марсюм люсьсов хуньпыл суйти,
Ань ат люньси нарынг лули.
«Ленин, Ленин, тинынг Ленин»—
Восги, восги касынг нир.
«Ленин, Ленин, тинынг Ленин»—
Касынг хотал симум хули.
«Ленин, Ленин, посынг Ленин» —
Пойттал эрги ма мир.

Ас вит ватам мирыл контги,
Сярмат нёвси, нёвси пумыл.
Войкан наингхапкве аня
Хотанг анял яныгнув.
Сярмат сорни хотал пости
Элумхолас самытт сягтил.
Маньси махум йиквантэгыт
Тангхынг хулныл пумасынув.

Пес йис порат самвит ловтсум
Посимн таим саинг самныл.
Пес йис порат пангк ам ловтсум,
Такмыл контгыгласум ам.
А тихотал виткем ватан
Агит-пыгыт ёхтыглэгыт,
Элумхолас симынг симныл
Йинэ латынг хули мам.

Эрынг атырхари эткве
Маньлат мирын мойтыт восги?
Пес йис порат аквтох уис
Мойт хурипа туя эт;
Турынг хотанг аквтох луйгыс,
Хулкве йиквыс, виткве сёсгыс...
Туп ти ёрынг луи макемн
Ул ат исыглалыс сот.

А тихотал йильпи сирыл
Сярмат лилти касынг пумтар,
Сярмат сорни хотал емтыс
Регынгнува, посынгнув.
Тии элумхолас симытт
Рати Ленин регынг симтар.
Тии суймыс сюнинг эрыг.
Вос тав емти такысынув!

ХАЛЬ ВИТ

Овыл туят,
хунь куккук ингыт ронгхи,
Маглынг хальныл ови атынг вит.
Аялэгын, сярмат ёрын ёнгхи,
Сярмат тинынг сянин люли тит.

Полям маквет хосат сянюм хуи.
Толхпатэта тэлыс йильпи халь.
Йильпи хотал макве хосит уи.
Суинг эрыг хули маньси паль.

Амккем ати, амккем амат хультсум.
Лавынг йиквыл вос кос ёнгхыс вот.
Элумхолас симынг регквел лилтсум.
Яныгмасум хальус махум ёт.

Сака симынг, симынг хальус махум!
Ёр ос сим анумн мисыт тан.
Сярмат халь витсамыл айтсавесум,
Тусьтавесум такысь луи ман.

Эргум овунгкв ёмсякв ат ке пати,
Тув ёхтэгум та порат ам,
Хот мирум сим халькве хольт
ратхати,
Пойттал ови портынг халь витсам.

Тонт ам лилинг халь вит аялэгум,
Ам палтум ёхти, ёхти сянюм ёр.
Йильпи эрыг такысь овылтэгум,
Порхай сойми, хунтлунгкв пати Нёр.

Приложение

ЮВАН ШЕСТАЛОВ

МИСНЭ

(ДОБРАЯ ЛЕСНАЯ ФЕЯ)

Редакция, предисловие и смысловой перевод на русский язык А. П. Баландина

Светлой памяти моей дорогой мамы
посвящаю.

Мое сердце родилось в сердце моей матери,
Сердце моей матери родилось в сердце Миснэ,
Сердце Миснэ родилось в сердце моего народа,
Сердце моего народа родилось в сердце
моей любимой Родины.

МИСНЭ[1]

Чудесный лес как будто дышит, дремлет,
Чудесный лес как будто улыбается.
Там ходит женщина Миснэ, обозревая мир,
Так, как в мансийских сказках повествуется.

Высока Миснэ, как стройная веточка,
Красива она, как северный край,
Горяча она, как жаркий костер,
Горда она, как прекрасная женщина.

Надевает она шубу с узорами из птиц и зверей
И блестит на солнце, как березка в изумрудном инее.
Умеет она ходить поступью мансийской женщины,
С нежно и тихо звенящими косами.

Пусть хоть по всей северной земле
Скачет в дикой пляске суровая метель,
В глазах скромной, добросердечной Миснэ
Пылает горячее солнце.

Если взглянет—снег от взора тает
И войдет веселье в сердце,
Стариков печали сразу исчезают,
Злые недуги от страха тело покидают.

Коль печаль на уме —
Что ж, Миснэ здесь рядом;
Сердцу, жаждущему ласки,
Скажет слово «тюпынг»[2].

1. Миснэ—добрая лесная фея.
2. Тюпынг—милый.

Миснэ, Миснэ — сердечная женщина,
Ты можешь быть мне другом.
Мое стынущее сердце, как костра,
Жаждет тебя, горячую Миснэ.

Чудесный лес как будто дышит, дремлет,
Чудесный лес как будто улыбается.
Там ходит женщина Миснэ, обозревая мир,
Так, как в мансийских сказках повествуется.

Только где мне ее разыскать?!
Ведь лес-то очень велик.
Но все равно я буду ее искать:
В моем сердце достаточно сил.

МАТЬ

МАТЬ

Здравствуй, дорогой любимый край,
Здравствуй, смолистый лес!
Здесь выросла милая мама,
Здесь родилась отцовская сила.

Машет рукой осина с листвой,
Улыбается сверкающая вода.
Птичка-камышовка снова здесь лепечет —
Так же лепетала птенчиком когда-то.

Вместе с утками я вырос,
Жил с лягушками я вместе,
Пел с крикливыми гусями...
Находил я счастье
на своей земле родимой.

Мать! Я помню твои руки,
Твоего тепла, родная, никогда мне не забыть!
Пусть мою родную землю ветер бил,
Но счастье жизни ты дала мне, дорогая!

И однако же несчастным оказался я,
Потому что очень рано вместе с материнской лаской
Улетело мое счастье в лес дремучий —
ты скончалась.

На земле, покрытой снегом, одиноким я остался:
Мое сердце повидало много горя и несчастья.
В ледяной воде колючей мерз,
Дрожал, как лист на ветке.
На широком, длинном плесе, на Оби
Осенний дождик до костей меня мочил.

Мое бьющееся сердце злой мороз
Хотел навеки остудить и заморозить,
Закопать его под снегом,
Погубить в земле холодной
Много раз пытался он.

В край, где столько лет я не был,
Я вернулся ныне вновь.
Наверху — простор лазури,
На деревьях — песнь щеглов.

Солнце с пышною косою улыбается, смеется.
Обь блестит, как глаз счастливый.
А земля моя родная вся кишит,
кишит народом,
В моем сердце зародилась песня новая
про счастье!

Нет! Я в снег не превратился!
И в земле холодной, мерзлой стужей
н е был погребен!
Нет и нет!.. Мороз суровый, кривоносый и коварный
Жизни юной и счастливой
не сумел лишить меня!

Дорогой моей отчизной был согрет я,
И казалось мне, что вместе жил я
с матерью любимой!
Я нашел тепло и счастье
Средь сердечного народа,
златорукого, родного!..

Я смотрю на мир глазами
моей родины счастливой.
В моих песнях слышен трепет,
шум лесов, любимых манси.
Плачу я слезой народа,
И клокочут в моем сердце его сила и отвага.

* * *

Мне говорят, что прадед мой
Стрелком отличным был.
Он оперенною стрелой
Глаз беличий разил.

О, если б мне вот так же жить,
Чтоб песнь моя плыла
И так же метко, как стрела,
Пути к сердцам людей
Она всегда б нашла.

ЧЕЛОВЕК РОДИЛСЯ

Северный вихрь, как собака, визжит,
Лает он, как белый пес.
Пурга скачет, метель кружит,
На деревьях сучья гнет.

За окном она шумит,
Злобным посвистом свистит... Вдруг:
В узорчатой, красивой
берестяной колыбели
раздается детский визг.

На заре ребенок родился,
Величиной с тонкий ножичек.
Маленький мальчик, ростом с палец,
Громко крикнул вихрю:
«Унга, унга!» — визг ребенка, —
«Унга, унга!» — раздается.
И кричит ребенок громче,
Чем свистит жестокий ветер.

Словно он собой гордится:
«Слушай, вот каков мой голос!»
Словно он уже грозится:
«В моем сердце бьется сила!»

Тысячи белых снежных стрел
Суровой рукою бросает в него пурга.
А кривой нос северного ветра
Передразнивает его в дверях.

Снег занес соболей,
Стынут куропатки,
Окна инеем оделись,
Замело дороги.

Так зачем же ты родился,
Мальчик ростом с палец?
Правда ли, что жить решил здесь,
Мой упрямый манси?

Посмотри, как мать родная
На полу промерзшем
тяжело вздыхает.
Ее сердце, ее тело, кроме горя и печали,
Ничего не знает.

Ведь средь дикой снежной пляски
Не легко живется.

У кого бороться с жизнью
мало силы, воли,
Тот останется в пыли посреди дороги...
Посмотри: на губы к маме
словно солнце село.
Нет, не солнце, то улыбка
лицо озарила,
Несмотря, что в поле
злая вьюга выла.

Любовь, радость, вздох печали,
Злой буран, ненастье...
Люди, вы бы мне шепнули,
Каково же счастье?

Может быть, с ребенком вместе
Счастье к женщине приходит?
Может быть, как черный соболь,
По тайге дремучей бродит?

Разве выразишь словами,
Что такое счастье?
Только знаю, что мальчишка
Победит ненастье.
Может, где и упадет он—
Но подымется и встанет!
Будет плакать и смеяться...
Вихрь!.. он вровень с ним помчится,
Позади себя оставит!
Путь мальчишки вижу, знаю...
О, как жить он хочет!

* * *

Нет у меня, бедного, золотой мамы,
Некому меня послушать.
Напрасно я, бедный, плачу,
Некому меня пожалеть.

Когда плачет гагара, призывающая дождь,
Ее слушают облака.
Визжащий щенок имеет маму,
Мама облизывает его языком.

Не разбрызгивай понапрасну
Свои драгоценные слезинки,
Не причиняй напрасно боль
Нежному, как свежая трава, своему сердцу.

Если чужой мужчина увидит твои слезы —
Он про себя улыбнется,
Если чужая женщина увидит твои слезы —
Она вымолвит обидное слово.

Сердце чужого мужчины—острая осока,
И эта осока уколет тебя!
Сердце чужой женщины—жгучая крапива,
И эта крапива обожжет тебя!

Только рука солнца с пышной косою
Высушит на моих глазах слезы,
Только дорогая священная земля
Приласкает мою кудрявую голову.

Если не имею я золотой мамы,—
Есть у меня счастливая родина,
Если плачет мое сердце, не имеющее матери,—
Есть у меня ясное солнышко.

Если даже разразится буря, —
Все равно выглянет солнце,
Горячее, как родная мать,
И прилетят ко мне веселье и счастье!

* * *

Дорогая северная земля,
Скажи, как мне жить?
Какой дорогою
По земле идти?

Мою добрую маму с горячей грудью
Забрала к себе холодная земля,
Мое сердце величиной с кедровый орех
Осталось среди снегов.

Ветры очень жестоки,
Чуть не свалили меня.
Мороз с хищною пастью
Чуть не сожрал меня.

Северный вихрь свистит,
Как лесное чудовище Менгкв,
ростом с громадный кедр;
Или как будто на кладбище
Кто-то рыдает и стонет.

Вот у меня пред глазами
Старая Танварпеква—
злая колдунья,
Из жил человека делает нитки,
И сердце мое от испуга
Падает наземь, как сосновая шишка.

Прилетают ко мне на ум
Божки-идолы, высотой в четверть.
Может быть эти идолы
Пожалеют меня?

Но от этого у меня голова болит,
Как метель зимой, она кружится.
Где же, где ж мой путь
К светлой жизни, к счастью?

Хотя я хорошо умею
Держать ружье в руках,
Но, правда, не убить мне пулей
Лесного великана Менгква.

И как прежде, будет пугать детей
Злая колдунья Танварпеква...
Вдруг откуда-то появилась
На моем пути русская женщина.

«Шагай, прямо шагай,
Меня ты не бойся!
Пойдем быстро в школу,
Где учатся дети».

Она учила нас так,
Как мать с сердечными словами.
Она изгнала из наших сердец
Злых колдуний и божков-идолов.

И только тогда я вздохнул свободно
Так, как дышит земля весной,
И только тогда, наверное,
Я нашел свой путь к счастью и свету.

*
* *

Когда мы рождаемся,
на нас смотрят наши матери.
Когда мы рождаемся,
о нас думают наши мамы:
Чуть шевелящиеся руки
быстро вырастут,
На берегу сверкающего обского плеса
они поймают сырка.
Не убежать от них дикому зверю,
дикий зверь упадет перед ним;
Полон будет котел с вареным мясом,
и родни будет во много раз больше.
Чуть шевелящиеся ноги
дойдут до далеких земель,
Чуть смотрящие глаза
будут обозревать новые земли.
Там, где мать не ходила,
туда придет ее сын,—
Ведь не напрасно родился на свет
этот маленький визжащий «ножичек»:
Воду, которую не пила мать,
отведает ее сын,

Дорогу, которую она искала,
ту дорогу будет искать ее сын.
Счастье, которое она не могла обрести,
обретет ее сын,
И короткий женский век
ее сын продолжит.

Когда мы рождаемся,
на нас смотрят наши матери:
Когда мы рождаемся,
они думают о нас тысячи дум.
А как, как мы сами
на свете живем?

Ищем ли мы путь,
о котором мечтали наши матери?
Может, мы повернули назад
или же свернули в сторону?
Иль напрасно мы кричали
и пошли по кривой дороге?

Дорогие наши мамы,
милые наши матушки,
Нет у нас коротких дорог,
наши дороги длинные!
На глазах у солнца говорим:

Туда не дойти на лыжах,
туда не дойти пешком.
Мы идем прямо,
смотрим честным взором.
Если мы упадем,
то приникнем к нашей любимой земле.

И она нас услышит,
и она даст нам сил.
Мы сможем нырнуть в глубины вод,
мы можем взобраться к вершинам гор.

Дорогие наши матери,
милые наши матушки,
Мы идем по пути,
о котором мечтали вы.

МОЙ ДОМ

Как и весь народ, я также богат,
Как у всех людей, у меня есть дом,
Дом мой длинный, большой, высокий,
Он широк, как северное море.

Я в своем доме похаживаю,
Звучные песни распеваю.
Слов нет, дом мой очень счастлив,
Он наполнен голосами
всех живых существ на свете.

Поет песню чайка-сира.
Плачет маленькая лули,
Что гагаркой именуют.
Мое сердце слышит трепет
Всех сердец, что в мире бьются.
В моем доме ярко светит
Золотое солнце...
Ночью дом мой, как невеста,
Прячет лик свой, покрывая
Свою голову, как небо,
Золотым платком чудесным.
И на том платке искусно
Шьет сверкающие звезды,
Что блестят во мраке ночи.

Я по своему дому похаживаю,
Если нужно спать,—спать ложусь.
А постель готовит мне
Шумный ветер. Словно няня
Он проворными руками
Стелет для меня перину.
А пурга, как одеялом,
Снежной шубой покрывает.

А земля моя родная
На своих руках сонливых
Далеко меня уносит,
Нежно, бережно качая
И нашептывая тихо сны,
Которым люди верят.

Как и весь народ, я также богат,
Как у всех людей, у меня есть дом,
Дом мой длинный, большой, высокий,
Он широк, как северное море.
Дом мой — это моя дорога,
Это путь идущих по жизни людей.

Дом мой, как капризная невеста:
То в нем очень жарко,
То в нем холод, вьюга,
То, как солнце в небе,
весело смеется,
То, как дождевая тучка,
слезы льет и плачет.

Я шагаю по жизни и песни пою,
Как дед мой по жизни шагал,
Ходил он под лунным сияньем в лесу,
Он след соболиный искал.
Я же песни и песен мотивы ищу,
Потому я по жизни хожу.

Молодые люди, юные, как я,
Комсомольцев тысячи,
все мои друзья,
Взор у них пылающий,
страстью дышит взгляд.
Как и я, они смело по жизни идут,
Они счастье крылатое ищут:

Один счастье лопатой себе достает,
Другой ходит за счастьем на лыжах,
Третий едет на тракторе, песни поет,
Иль железные рельсы на землю кладет,
Или город он новый возводит,
Каждый быстр и отважен в работе своей,
Дело спорится так,
Как у резвых коней
иль у быстрых оленей копыта.

Я живу в своем доме любимом,
большом,
Мне досталось великое счастье.
Заходи ко мне в дом, ты увидишь его,
Мою звучную песню услышишь.

Кто устал, кто ослаб,—
Заходи, заходи...
Кто собрался в дорогу,
Чтоб смело идти,
Мою песню с собою возьми!
Выходи поскорее из дома,
где жил,
Заходи в мой большой
и прекрасный дом!

РОССИЯ

Моей дочке.

Когда мать мою сожрал мороз жестокий,
И осталось одиноким сердце мое на земле,
И, как леденистая вода, оно уже замерзало,
Тогда на плече своем почувствовал я руку.

Она была нежна и очень, очень теплой,
Словно жаром солнца обладала рука,
Тогда застывшее мое сердце растаяло, как снег,—
То солнце называли Россией.

Она, словно мать, встала рядом со мной
В образе сердечной учительницы.
Она дала мне ум и силу
И протянула мне сытный хлеб.

Когда я стал юношей с сияющими глазами,
Она обернулась девушкой.
И я, мансийский сын, любящими глазами
Стал смотреть на россиянку молодую.

Она была веселой, она смеялась,
Словно весна, когда весело всем.
И пусть хоть в жизни раздавался волчий вой,
Она не знала ни слез, ни печалей.

Она рядом со мною другом встала,
Она отдала мне свое русское сердце...
Тогда в груди моей крылатое солнце родилось
И в сердце залетела счастливая эра.

А сегодня трепещущее мансийское сердце
Получило в подарок маленькую девочку,
И заструилось в нем новое тепло,
И застучало сердце, напевая песни.

И счастье теперь потекло, как Обь;
Плещется оно в моем мансийском сердце;
Словно мать моя вновь на свет родилась,
Словно она вернулась к сыну своему.

В ее сердце новая кровь бурлит, течет,
Пусть хоть смотрят в мир мансийские глаза,
Пусть хоть ее зовут россиянкой,
Пусть хоть мансийкой раскосой называют.

Мы ее будем растить,
Чтоб вместе с ней вырастало счастье.
Мы ее будем учить,
Чтобы она достойно продолжала человеческий век.

Пусть дружно будут жить народы мира,
Как живут сегодня русские и манси.
Пусть не умолкнут песни на берегах
Русской Невы и на плесах Оби!

Только пусть она знает: ее мансийский отец
Среди русских нашел сердечное тепло,
И зазвучали там его мансийские песни.
Пусть не забывают об этом дети всей земли.

Я ИЩУ ТЕБЯ

* *
* *

Я тебя ищу, ищу, ищу.
Я тебя найду, найду, найду.
Может, ты вблизи от меня живешь-поживаешь,
Может, как Миснэ, ходишь, похаживаешь?

Против суровых ветров иду, шагаю.
Против стремительных течений гребу,
веслом воду взрываю.
Всматриваясь в диск ясного месяца,
я ищу тебя.

Всматриваясь в очи золотого солнца,
я найду тебя.
Живешь ты не в подземном царстве.
Ты ведь не плоха!
Жить в аду — ты не такова!
Но ведь ты и не дочь неба. Нет!
Нет на небе сердечных женщин. Нет!

Ты родилась среди снегов заснеженной земли,
Ты спряталась в снегах заснеженной земли.
И среди снегов заснеженной земли ты борешься
и работаешь.
Стремительны твои проворные руки,
как у русской и мансийской женщины.

Выполняешь ты великий и мудрый семилетний
план.
Но наступит время, и ты захочешь целоваться.
А любить и обнимать ты умеешь.
Ты прекрасная, скромнейшая женщина нашего
века.

Ты скромная Миснэ, которую ищет мое сердце...
Всматриваясь в диск ясного месяца,
я ищу тебя.
Всматриваясь в очи золотого солнца,
я найду тебя.
Я тебя ищу, ищу, ищу.
Я тебя найду, найду, найду.

* * *

В том месте, где обитают рыбы,
кошка не ходит.
В том месте, где живут соболи,
твоего пути нет.
Только на востоке
появляется утренняя заря.
Только среди людей,
наверное, находится твое сердце.

БЕЗ ТЕБЯ

Без тебя—земля темна.
Без оленей—дорога длинна.
Без тебя—мне холодно,
Без тебя—мне стыдно
Ходить по свету.
Когда нет тебя—и лыжи плохи,
Когда нет тебя—и олени плохи,
Не слышно звуков тумрана,[1]
Не горит пламя яркое.
Дорогая Миснэ, появись!
Возврати ты мне мое солнышко,
Отдай ты мне резвых оленей,
Сделай мои лыжи быстрыми.
Пусть растает тьма на земле,
Пусть звенит тумран женщины.
Поскорей разожги пламя яркое,
Осчастливь меня своей лаской!

* * *

Глаз голубого неба
Смотрит на меня,
Нежная рука солнца с пышной косою
Тянется ко мне.
Только твои глаза, подруга,
Не смотрят на меня.
Только твои руки, подруга,
Не тянутся ко мне.

1) Тумран—губной женский музыкальный инструмент из кости.

* * *

Откуда ты пришла,
дочь Хынь-отыра?[1]
Кто тебя прислал к нам,
дочь подземного мира?

Зачем ты терзаешь
мое мансийское сердце?
Зачем ты мутишь мою голову,
светлую, как лунная ночь

Почему ты трешься,
как телка?
Почему ты липнешь,
как сосновая смола?

Скажи,
в каком месте у тебя болит?
Скажи,
кто побуждает тебя делать это?
Если не перестанешь,
я позову тучи.
Если не перестанешь,
я позову вьюгу.
Если не перестанешь,
я позову огонь со сверкающими
глазами.

Твои речи, пропитанные гнилью,
сгорят в огне.
Пусть размечут их злые тучи,
грохочущие на небе,
Пусть занесет их
пляшущая метель!

---

[1]). Хынь-отыр—злой дух, владыка подземного мира.

ЧЕРЕМУХА

Зимой черемуха блестит,
Белым бисером звенит.
Словно девушка стоит,
Словно ждет кого-то.
Вешает себе на грудь снежинки,
Без конца прихорашивается:
Свои белые щеки
Красит яркой краской.
Надевает на себя множество украшений,
Обмывает себя пряной жидкостью.
По утрам одевается в шубу из звериных
шкур
И все время ждет молодых парней.
Но только я люблю,
Когда на черемухе появляются ягоды.
Когда она сама по себе красива
В своем белом цветистом наряде.
Кто наводит на себя красоту,
Тот просто дразнится,
да кривляется.

КУРИНЬКА

Куриньку заиграли[1]
Девушка затрепетала
И пустилась в пляс:
Извивается она, как скользкий налим,
Скачет она, как резвый лосенок,
Изгибает ногу в олений рог,
Плывет она, как весенний гусь.
Напевает песни, скачет и танцует,
Языком пламени пылает у нее платье.
Звенят санквальтапы,[2])
Народ бьет в ладони.
Здесь весело так же,
Как в праздник мансийский,
Когда убивают медведя.
Крылатые звуки плавно плывут,
В глазах у людей танцует веселье...
А вам приходилось ли
Видеть такое веселье?

* * *

По небу Медведица бродит.
В глаза смотрит темная ночь.
Северный вихрь с жеребцом
соревнуется в беге,
Будто бы известны ему
девичьи капризы и причуды.
Разве вернется девушка домой
После того, как села она в сани
к своему милому?!..
Вот и скрылась из глаз среди снега
Девичья дорога честной женщины.
Видел только снег заснеженной земли
И смотрел только серп серпастого месяца,
Как целовал парень девушку,
Когда мчались они по полю
на быстром жеребце.

---

1). Куринька—мансийский танец.

2). Санквальтап—струнный музыкальный инструмент.

РЫБАЧКА

Там, где берег — песчаная отмель,
Где чуть не летит волна,
Там у мансийской девушки
Сеть с рыбой дрожит в руках.

Но не дрожат серьги в ее ушах,
Похожих на красивых птичек,
На ее обветренных щеках
Пылает золотое солнце.

Брови у нее, как две рыбки,
Плывущие в разные стороны.
Губы у нее смотрят, как два глаза
Глазастой девушки.

Словно они пытаются
Меня поцеловать,
Словно они собираются
Что-то мне сказать.

Только молча в воду спускается
Черная коса девушки.
Только в грудях у нее,
высоких, как Уральские горы,
Словно кто-то вздыхает:

— Ты любишь другую женщину,
Она краской красится,
И не одевается в одежду,
Сверкающую скользкой
рыбьей чешуей.

К ее ушам, слушающим человеческие речи,
Прилипла не скользкая рыбья чешуя,—
Там, словно сияющая чашка,
Висит серьга.
Мое сердце дрожит, как сеть,
Словно оно нашло Миснэ!
Вдали плещется рыбка...
—Эй, какая польза в этом!—
вымолвила та девушка,—
Ты другую женщину любишь,
А меня — знает мое сердце —
Скоро позабудешь.

* * *

Я давно забыл тепло моей дорогой мамы.
Очаг, излучавший тепло матери, давно потушен.
Я вырастил свое сердце около очага чужого
человека,
Оно много раз стыло, как свежая рыба
на зимнем морозе.
Дорогая Миснэ, скорее разожги костер!
Я давно дожидаюсь тепла от твоего сердца.
Зажги в своем сердце огонь величиной с небо.
Может, я согреюсь возле твоего огня.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ МИСНЭ

Ленинградская девушка,
может, правда—ты Миснэ?
Красивая русская девушка отвечает:
— Нет, я—девушка нашего века!
Видно, мое сердце постоянно ищет
девушку иной эры,
Мое сердце мечтает о девушке,
похожей на Миснэ.
Ты хотя и не Миснэ,
но на милую Миснэ ты похожа.
Может быть, твой век и короток,
но в твоем сердце нет ненастья.
Сердце у тебя очень доброе,
лицо у тебя прекрасно.
Мне с тобою весело,
а мое сердце всегда ждет веселья.
Ты трудолюбива,
и в руках и в ногах у тебя работа спорится.
Не лезет чарка
в твои не тронутые краской губы.
Ты скромна,
как Миснэ;
Ты сердечна,
как Миснэ.
Раз сказанное тобой слово
дорого, как золото.

Ленинградская девушка,
хотя ты девушка нашего века,
Ленинградская девушка,
все же ты, в самом деле Миснэ.

* * *

Глаза у тебя
черные,
Руки у тебя
проворные,
Грудь у тебя
высока, как Урал,
Горяча она,
как костер.
Если б тот костер
обжег меня,
Если б твои руки
обняли меня,
Если б твои глаза
пронзили меня,
Тогда б я
крылья обрел.

ЛИСА

Крыло вьюги пляшет, кружит.
«Где же лисий след?»
«Вию-вию!—поет ветер,—
Лисий след вон там!»
Жеребец несется вскачь,
Бросая копытами комья снега.
В санях воет моя собака,
Вьюга ее передразнивает.
«Вию, вию!—поет ветер,—
Лисий след вон там!
Живой лисой пахнет,
Она мечет на снегу узорчатую тропку.
Пусть сильнее мчится твой конь,
Пусть он посостязается со мной!
Вию, вию!—поет ветер,—
Лиса там, там!..»

Будто сон меня внезапно охватил:
Я увидел твое прекрасное лицо,
На груди у тебя лиса дремала,
На меня с ненавистью смотрела.

Но ты смотрела на меня с радостным лицом
И как будто сказала: «Милый, милый!»
Впереди лиса блеснула
И растаяла среди вьюги.

Мое сердце вспыхнуло, как огонь,
Мой кнут взвился над конем.
«Вию, вию!—пел ветер,—
Лиса там, **там!..**»

* * *

Если месяц светит,—
значит, жизнь хороша.
Если солнце, подобно женщине,
не закрывает своего лица платком,—
значит, жизнь хороша.

Если твоя рука тянется ко мне,—
наверно, ты добрая?
Как ясный месяц,
свети передо мной.
Подобно женщине со старыми поверьями
не закрывай платком своего лица
передо мной.

Пусть твои глаза смотрят на меня
любовным взором.
Пусть твоя рука тянется ко мне,
но только без кулаков.

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Солнечный луч играет на блестящей воде.
Радуга висит на небосклоне.
Стая носатых комаров жужжит, жужжит.
Когда нависает грозовая туча с черным лицом.

Как зеркало, сияющая Обь.
Неподвижно стоит смолистый лес.
Всплыли рыбы на обскую гладь,
Чтобы круглыми глазами обозреть небосвод.

Тихо-тихо, молния сверкает,
Золотое солнце, радуга и ты...
На небе такая красота бывает!
Нет красивей девушки,
что природа подарила мне!

Комариная стая жужжит, жаждет крови,
Писком вызывает дождевые капли;
Хочет красоту твою, наверное, похитить,
Хочет, чтобы рассердился я.

Вдалеке от нас свод неба затянуло,
Очи туч сверкнули золотым огнем.
Дальний плес Оби — в медвежью пляску,
Травы изогнулись до земли,
и заплакала красавица-гагара...

Только перед нами скачет и играет
Белогрудая рыба с бахромистыми плавниками.
И сверкает, словно солнце, твое сердце.
В мое сердце темной туче не зайти.

Дикий танец волн все ближе, ближе,
И все громче, громче комариный писк...
Неужели мы с тобой не сойдемся?!
Неужели между нами встанет дикий зверь?!

* * *

Нет у нас ничего,
Как же мы поженимся?
Даже ложки нет у нас,
Даже нет постели.

Громыхают злые тучи.
Нас пугает стужа.
Но они нас не страшат.
Разве нам нужно богатство—
счастье старой жизни?!

У нас есть любящие сердца
И счастливые песни новой жизни.

* * *

Пусть хоть месяц смотрит—
я тебя целую,
Пусть хоть тянет руки он—
я тебя целую,
Пусть собака лает—
я тебя целую,
Пусть глаза хоть пялят—
я тебя целую,—
Наверно, я тебя
очень люблю!

ПОЮ-БОРЮСЬ

* * *

Нужны мне крылья да длинная дорога,
Такой дороги никто еще не знал.
Пусть в моем сердце бьется песнь тревоги,
Пусть радость и веселье мансийского народа
Звучит в нем так, как хрупкий снег
под полозом саней.
Я очень мало жил на белом свете,
Мне мало песен слышать довелось...
Рыбацкие костры в моей груди зажгите,
Воспламените песни сердца моего,
Чтоб в сердце у меня мой Север,
словно птица,
щебетал!
Ведь сердце у меня совсем,
совсем не отдыхает,
Коль петь взялось — пусть хорошо поет!
Когда народ мой плачет,—
пусть мое сердце кровью истекает,
Когда в родную землю счастье прилетит, —
пусть мое сердце радость излучает!
И песнь живучую сложу тогда, быть может,
И в чье-нибудь сердце солнце принесу.
Тогда, быть может, согрею вас я песней,
Иль высеку из ваших глаз слезу.
Пусть, как шаман, метель шаманит,
Пусть снегом занесет пробитый мною путь,—
О, сердце полное тревог, впитай в себя
родной земли дыханье!
Пусть в сердце у меня
звучит копыт оленьих снежный хруст!

* * *

Словно очень долго я болел,
Словно жил я с тысячу лет,
Словно сотни раз я на свет рождался,
И солнце на меня глядело
презрительным взором.
И петь, и плясать желал я безгранично,
Но сшибал меня с ног жестокий ветер,
Налетала откуда-то бессердечная пурга,
Как кривоносый человек, коварный,
беспощадный.

Я плясал, я плакал, я боролся много раз.
С песней-плачем зарывали меня в землю.
Мое поющее сердце ворочалось в холодном
гробу,
Как струна, дрожала холодная могила.

Боялись манси, тихо слезы лили:
— Пусть хоть здесь бы он спокойно спал!
И брели они среди снегов опять...
Такое горе видели беками.

Потом опять вставал я, подымался,
Приходил я в мир не из кладбища,
В чреве женщины на свет рождался,
Делая ту женщину счастливой.

Мышцы новые имели руки-ноги,
В сердце ж сохранялась боль веков.
Может, и мочил я новые постели-шкуры,
Сердце ж было больным мансийским сердцем.

Новый век,
Сегодня новый век настал,
И счастливую песню я пою сегодня.
Словно солнце спустилось на родную землю,
И земля с улыбающимся лицом слушает мои
песни.

Не мышами кишат теперь паулы,[1]
Каждый дом кишит веселой детворой.
Наши нарты травой не обрастают,
И не рушатся от ветхости юрты.

И не гибнут зимой олени,
В лесах не воют волчьи стаи,
Больше не бродят среди манси
Злые духи, разносящие смерть,

И не слышно скорбных песен:
«Мы уйдем, покинем землю,
Чтобы больше не родиться.
Занесет снег наши лыжи.

И за черным соболем вдогонку
Никогда нам не гоняться!»

Обь искрится рыбой-счастьем,
Словно волнами на солнце,
Не гагара, птица скорби,
Над рекой кричит тоскливо,—
Я пою для манси песни,
Песни счастья и веселья.
Я не прячусь, словно птица,
От жестокого мороза—
Средь метелей я пою,

Я не солнце золотое,—
Должен я светить и ночью,
И тепло нести народу,
Ой, как ждет он песню счастья!
Солнцем пусть глаза пылают,
И звенит пусть счастье манси
На губах моих мансийских!
Песни пусть летят, как птицы,
Пусть несутся, как олени!
Пусть плывет, весне подобно,
Песня моего народа.

[1]). Паулы—селенья.

* * *

Моя мать была мансийской девушкой,
На голове у нее были звенящие косы.
Мой отец имел курчавые волосы.
И родился я на руках у манси.
В моем сердце поет мансийский язык.
По-мансийски мое сердце болит.
Оно хочет быть неразлучным с песней.
Ум мой жаждет счастья для манси.
Кто там смотрит презрительным взглядом?
У кого от злости удлиняется язык?
Что, что ему нужно?
Почему он жужжит, словно муха?
Может, песнь моя плохо льется?
Или же так жить нельзя?
Может, жить по-старому?
Может, петь прежним голосом?

Может, взять шаманский топор
И молиться богу?
Может, собирать остатки от идолов
И разговаривать божьими устами?
Нет! Нет! Нет!

Пусть мы, манси, еще и молоды,
Но мы говорим по-русски: «Хватит!»
Мы не знали кровавых вшей
И знать их не хотим!
Мы те же манси,

Но только мыслим по-новому!
Мы хотим жить в светлых домах,
Мудрость наук познавать в школах,
Разъезжать по всему свету,
Преодолевать на своем пути преграды.

Мы будем слагать новые песни,
Мы будем танцевать крылатые танцы.
Пусть со всей земли соберется народ,
Пусть народ рукоплещет нам!
Мы покажем людям:

Как умел и ловок манси,
Как он состязается с ветрами,
Как в труде проводит жизнь,
Как проворно двигаются
его трудолюбивые руки.
Приходилось ли тебе раньше
видеть что-нибудь подобное?!

В моем сердце поет мансийский язык.
По-мансийски мое сердце болит.
Только жить мы будем по-другому,
Петь мы будем новыми голосами.
Мы поборем все ветры.
Приходилось ли тебе раньше
видеть что-нибудь подобное?!

МАНСИЙСКОЙ ЖЕНЩИНЕ

Женщина-манси на охоту ходит,
Рыбку с бахромистыми плавниками ловит,
Доит жирное молоко,
Мужу стирает грязное белье,
Рубит дрова, топит чувал,[1]
Делает рыбий жир,
Варит мясо,
Согревает мужа,
Рожает детей...

Сколько б дел имел мужчина,
Сколько б трудностей он видел,
Без жены живя на свете,
День и ночь он лил бы слезы.
А теперь он зазнается,
Ходит нос задравши кверху,
Будто бы он самый лучший
Человек среди людей.

Жену-друга притесняет,
В дом передний не пускает.
У нее лицо закрыто от людей платком,
И с закрытыми глазами она ходит средь
народа.
Верно, ее муж боится,
Вдруг жена уйдет к другому,
Или же чужой мужчина
взглянет в лик ее прекрасный
И украдкою от мужа
увезет ее к себе...

Вот поэтому наверно говорит он:
— Бог велел, чтоб ты ходила
средь мужчин с лицом закрытым,
И на крышу подыматься
ты не смеешь и не можешь!

Эй, девушки, женщины-манси!
Окиньте мир своим взором...
Сколько славных дел
Делает женщина в наше время!..
За какой только работой
Не сидит женщина в наш век!..

А вот ты, ты почему же
Так не хочешь жить на свете?
И ходить подобно русской
По земле с лицом открытым?!
Парни любопытным взором
Пусть любуются тобою,

Пусть посмотрят,
как сверкают твои черные глаза
Как горит румянец яркий
на твоих щеках прекрасных,
Как трепещут твои груди
в ярком бисере и бусах.

Если в руки не брала ты книг,
Бери скорей, родная,
В книгах обретешь ты крылья,
В жизнь иди, как учат книги ,
твердо по земле ступая.

Коль захочешь, и на крышу
Ты подымешься без страха.
Тебе нечего бояться—
Жизнь тебя сломать не сможет,
Потеряешь лишь плохое,
Обретешь же только счастье.

Смело сядь в седло
И резвый
конь помчит тебя по жизни.
Русской женщине подобно,
в жизнь войдешь и пошагаешь
в мир просторный и широкий...

В своем доме, где когда-то
оскорбленья выносила,
Сядь и будь хозяйкой жизни...
И земля моя родная
обновится, как весною,
И счастливейшей ты будешь
средь мансийского народа!

---

1). Чувал—мансийская печь.

* * *

Мой отец родился в старое время,
Когда человек был похож на стружку,
На сухую стружку, которой разжигали огонь.
Сухая стружка воспламенялась,
И ее пожирал язык пламени,
Оставляя от нее лишь серую золу
Да человеческий сон.
Мой дед продавал отца,
Проигрывал его в карты;
Тот работал в батраках у купца,
Видел много батрацкого горя.

Обь несла на север свои быстрые воды,
В хозяйской лодке греб мой отец,
Его чуткое сердце ныло от горя,
И неслась из лодки его грустная песня.
Хоть и хорошо он работал,
Но долг моего деда не уменьшался,
Все дороже становился хлеб,
День и ночь плакала мать.

А сегодня посмотрю я на отца,
И радость наполняет меня!
Мой отец, бывший батрак,
Сухая стружка старого времени,
Как он запылал!
Как он зажил!
И хотя шаманы с железными топорами
Проклинали моего отца,
Кулаки с жадными животами
Били его исподтишка,
Он твердо встал на Ленинский путь
И вместе с трудолюбивым мансийским народом
Создал в поселке первый колхоз,
И пришло в мансийский край крылатое счастье!
Четверть века отец председателем был,
На работе, как пламя, горел.
И в борьбе, и в труде весел был, песни пел,
И колхоз у него богател!
Сколько слабых колхозов он поднял...
Не счесть!

Много раз я думал и решил:
Жить так же, как отец мой прожил,
И работать так же, как отец работал.
Чтоб от сердца песни у меня рождались

Для народа манси, что любим с рожденья...
Чтоб отцовский голос в этих песнях слышать!
Радость заполняет мое сердце,
Когда вижу, что отец родимый
так любим народом!
Что народ мансийский понимает дело
И за это дело ценит коммуниста.

Я по жизни пойду, как шел мой отец!
Жить я буду так же, как он!

* *
*

Грустные песни, черные лица,
Руки, как сажа, черные,
У негритянских девушек и юношей
И волосы черные.

Негры, негры, что вы за народ?
Кто хорошо знал вашу душу?
Ради кого вы жертвовали собою?
Кто пожирал ваши сердца?

Почему в ваших глазах темная ночь?
Почему из ваших уст льются песни печали?
Почему негритянские красавицы
Смотрят косо?

Откуда родилась великая ненависть
В человеческом сердце?
Может вы,
живущие в чудесной южной земле,
Видели только нужду
и всегда голодали?

Мы хотя и живем на обледенелой земле,
Но улыбаемся, как снег под лучами солнца:
Будто в лютую стужу мы находим тепло —
Счастье и радость жизни.
Нет, нет! Не плохой
черный негритянский народ

Негритянское счастье украла
Вошь, пьющая кровь,
С жадностью проглотили народное счастье
Богатые белые люди.

Как рыба сверкает негритянский глаз,
Он как будто ныряет.
И вдруг я заметил —
Негр улыбается.

Есть у негра, есть, есть
Веселье для друзей.
Если этого не увидит плохой человек,
Друг увидит.

Я смотрю на его пляску:
Он чуть не взлетает, как птица,
Словно в мансийское сердце
Спешит опуститься.

И вдруг заметил я:
Словно смотрит, смотрит
Черный глаз Лумумбы,
И его взор к солнцу устремлен.

Так проснитесь же, проснитесь!
В небе солнце кружится!
Так вставайте же, вставайте
На свободолюбивый путь Лумумбы!

Пусть плывет, как в танце,
Радость негритянская.
Пусть своим теплом весна
Негра каждого до сердца согреет.

* * *

Почему ты свою голову так низко опустил?
Какой коварный нос средь злых людей
боль сердцу причинил?
Скорее голову свою повыше подыми!
С опущенною головой мансийцу
стыдно жить!

СОН

Словно нож пронзил мое сердце,
Словно черный ворон его высосал.
Мое сердце трепетало и ныло,
Будто бы скончалась мать или умер отец.
Нет!
Потому трепетало мое сердце,
Потому помрачнел мой ум —
Всю эту ночь я был в полузабытье,
Всю эту ночь я видел сон.
Будто пьяные манси буйствовали,
Шумели, галдели,
На полу крутились вихрем, словно куриньки,[1]
И кричали они мне всякую чушь:
«Мы пьем! Пьем! Еще нальем, еще нальем!
Мы дурим и пьем! И еще нальем, и еще нальем!
А ты? Что же ты?!»
Вдруг блеснуло лезвие ножа,
Звякнуло оконное стекло...
Плач, крики, дикие песни,
Небо дрожало, прыгали звуки,
Спятили птицы, рыбы и звери,
В кучу смешалось все живое...
Мое сердце болело и ныло,
Словно сейчас умерла моя мать,
Словно народ всего мира сошел с ума
И начал играть с огнем.
Оттого мое сердце сильно забилось,
Что грезилась мне война.
Прыгает пламя, как резвая лошадь,
В каждом доме пылает огонь,
Где проходит он —
остается пепел,
подымается дым,
возникает боль.
Корчатся лица,
рождаются тени,
процветают болезни,
позор...

[1] Куриньки — люди, танцующие мансийский танец «куринька».

Все города залиты кровью.
Потому мое сердце болело и ныло—
В мире будто снова возникла война.
Нет! Нет! Не хочу!

Я люблю
горячее солнце,
трепещущую рыбу,
ясные ночи,
прекрасных белолицых женщин,
крик гусей,
ветви березок,
сердечные мотивы звонких
песен,—
Все это я люблю!

Война?
Кровь?
Нет!
Нет!
Ведь не могут народы мира сойти с ума!
Нет! Мой народ очень силен.
Если встанет—подымется выше Урала.
На любимой земле моей светит новое солнце,
И течет в сердце моего народа жар идей Ленина.

Ясное небо, светлые ночи...
Для всех мужчин хватит прекрасных женщин.
Счастье плывет по моей любимой земле,
И нет силы в мире, чтобы заглушить его!
Пьяные люди,
кровь,
война,
патроны с порохом и пулями,—
Все это один лишь сон.

В жизни этого я никогда не видел.
И этому никогда не быть!
В этом большое счастье, великая радость!
В мире рождается мир!
Течет по земле счастливая жизнь!
Пусть оно будет повсюду вечным:
Счастье! Счастье! Счастье!

МАНСИЙСКИЙ ОРНАМЕНТ

* * *

Есть рога у злого быка,
Есть рога у кроткой овцы,
Есть рога у жука,
Есть рога у красавца-оленя,
Есть рога у рогатой щуки,
Есть рога на лунном серпе,
Есть рога у сурового мамонта,
Есть рога у высокого неба...
Человек тоже имеет рога,
Рога человека — зло.

*
* *

Золотая мама, мама золотая,
Почему так рано ты ушла из мира?
Почему же, мама, не дождалась хлеба,
Честными руками добытого сыном?
Как все люди, тоже стал теперь я взрослым,
По воде и суше езжу я повсюду.
Хлеб мансийский ныне стал сытней и слаще
Путь я продолжаю, тот, что ты искала
Почему так рано ты ушла из мира?
Не дождалась хлеба, добытого сыном?

*
* *

«Глаза твои черны, как темная ночь,
Твои брови на взлете, как крылья птицы
Тепла твоя шуба, как теплое гнездышко,
Может в ней я найду теплоту солнца?»
А та девушка отвечает тихо:
«Что ты — дикий зверь или черная кошка?
Если ты человек, вот тебе дверь,
До дверной притолоки путь очень близок.
Если смотришь — смотри на меня,
Если ищешь тепло — ищи во мне».

*
* *

Если нужно тепло — я обращусь в огонь
Или в жгучий горячий чай.
Как огонь тебя буду греть
Или, как чай, разойдусь в твоем теле теплом.

Нужна ласка—превращусь в ветер,
Твое лицо крепко приласкаю;
Обернусь в нежную воду,
Крепко-крепко тебя обниму.
А уста твои тихо шепчут:
— Будь добрым, хорошим мужем!

* * *

Ты высока, как лесной мыс с бегущим оленем,
Ты красива, как несущийся лось.
Твои белые щеки пылают, словно костер,
Твой голос звучен, как голос звонкоголосого
лебедя.
Если даже по небу ты ходишь
И перед тобой меркнет золотое солнце,
Если даже работаешь ты, как Гаганова,
Золотыми руками человека,—
Не тебя я люблю,
Я люблю свою дорогую подругу.

* * *

Для многих мужчин солнышко производит тепло,
На многих мужчин смотрит с неба серпастый месяц.
Для многих мужчин небо в голубой лазури,
Сердца многих мужчин покорила прекрасная земля,
требующая от людей жертв.
Дочь уральского ветра целует многих мужчин,
Многих мужчин обнимает вода с щедрой
материнской грудью,
Добрый лес многих мужчин прячет у себя
за пазухой,
Очень много мужчин бывает здесь.
Но только **ты**
для меня живешь,
И только ты
целуешь меня.

* * *

Я тебя не воровал,
Не мчал я тебя на оленях,
Не увозил я тебя на лодке, —
Ведь наступила новая эра жизни.

Я тебя не выменивал на вещи,
Я тебя не покупал на деньги,
Когда я покорил твое сердце,
Твое сердце ко мне пришло.
Ты отдала мне свое девичье имя
И тогда ты стала моей женой.

* * *

Кто сказал: «Сердечных женщин нету,
И сердечное слово «тюпынг—милый»
позабыто?»
Так сказал какой-то чернолицый человек?
Кто он?.. Рычащий пес или рысь из дремучего
леса?
Он, криволицый, будто забыл,
Откуда вышел на свет, кто взлелеял его,
Кто стирал с него грязь, кто крепко его
целовал...
Неужели, правда, он забыл свою сердечную
мать?
Ведь мы растем на коленях у женщин,
Почему же это мы иногда забываем?!

* * *

Бежит по плесу гордая гагара,
Пенистую дорожку за собою оставляя,
Взволновался плес Оби,
Изломалась сияющая гладь воды,
Потом вода успокоится,
И все как прежде засияет.
Коль сердце женщины плохой мужчина тронет,
Как сияющую воду, он сердце изломает,
Но все равно она его разгадает
И забудет, успокоившись, как плес.

* * *

Стоит в лесу лось,
Как блестящая лестница;
Его длинные уши столь же чутки,
Как звучный санквальтап.[1]

---

1) Санквальтап—струнный музыкальный инструмент

Он тихо рогами покачивает,
Прислушиваясь к звукам дремучего леса.
Глубоко он трогает мое сердце,—
Какой милый прекрасный зверь!
Если сердце мое так видит красоту лося,
То как мне не видеть твою женскую красоту?

* * *

Хоть язык он свой и знает —
А на нем не говорит;
Он не рад мансийской песне,
Нос повыше задирает.
Не здоровается с манси
И товарищу-мансийцу
он руки не подает.
Как гордец, всегда гордится,
Он не слышит даже слов.
Кто забыл родное слово,
Тот плюет в родную мать.

* * *

В нашей беловодной кормилице Оби
Живет среди рыб сплетница-сорога.
Хоть и короток у нее хвост с плавниками,
Да длинны у нее уши, подслушивающие сплетни.
Правда, на ней не так уж много слизи,
Зато глаза, как чашки, большие.
Хотя и нет у нее быстрых лыж,
Но много вод она проплывает,
Повсюду вести разносит.
Как сплетниц-женщин,
Надо бить ее по уху.

* * *

Слизистый налим со спинкой скользкой,
Слизистый налим с длинным хвостом,
Он весь извивается,
Крутится, виляет;

Сосет живую кровь
И гнилое мясо сосет.
Потому соплив он,
Потому он слизист.
Ты его хоть проклинаешь,
А руками не поймаешь.

* * *

Кто сказал, что в дремучем лесу
Нет стройных высоких деревьев?
Кто сказал, что на белом свете
Нет сердечных людей?
Хотя и вырубают деревья в лесу,
Они начинают расти в новом месте.
Хотя и сжигает их пламя огня,
Они снова встают из гари.
Коли так случается с несмышленными деревьями
Разве прекратит свое существование род
человеческий?

БЕРЕЗОВЫЙ СОК

* * *

Почему Березово называют березовым городом?
Может быть, мыс, на котором он стоит, оброс
березами?
Может быть, здесь заготовляли много веников с
листьями?
Может быть, здесь была жаркая, горячая баня?

Пожалуй, и на самом деле так в старину было,
Наверное, в то время не любили грязь,
Наверное, не раз своими зубами щука впивалась
В человеческие тела, выпуская из них плохую
кровь.

Люди, живущие в теплых краях, послушайте меня:
Я вырос под самым березовым городом
Мое сердце, словно мамонт, вросло в мою родную
землю.
И оно без устали воспевает мой дорогой северный
край.

Может быть, теперь я не возьму в руки веник,
И, конечно, не возьму с собой в баню острые
щучьи зубы.
Как аркан, я брошу острое слово
И поймаю им за шею крылатое счастье.

Моя песня пусть обжигает как веник,
Пусть она колышется, как шумливая береза,
Пусть она бьется в сердце каждого человека,
Пусть слышит ее своими ушами любой человек.

Не напрасно в старое время
Бедный мансийский народ любил веники,
Не напрасно он создавал звучные песни,
Не напрасно звонко пел прут веника.

ГОРОД

Каменный город кружился, вертелся.
Никогда я в городе не был.
Я смотрел и туда и сюда,
В глазах у меня помутнело.
Как высокие горы на Севере,
Стояли каменные дома.
Как звери с сверкающими глазами,
Плыли железные машины.
Жаркого солнца с золотой косой
На небе совсем не видно,
Могучего автобуса дымный хвост
Ползет по всей улице.
Как блестящая речная протока
Кишит золотой рыбой,
Так и большой город, как море,
Кишит народом,
Переполненный людьми город
кружился, вертелся.
Никогда я в городе не был.
Я смотрел и туда и сюда,
В глазах у меня помутнело.
Вот раздавит меня
Высокий каменный дом,
Вот проткнет меня
своим носом
Бегущая машина.
Это не лось кричит,
Это не медвежий глаз блестит...—
То гудки машин
Слышит мое ухо охотничье.
Не щебечет здесь голосистый щегол,
Не резвится чайка-сира...
До того красив город каменный,
От людской толпы шевелящийся!
Кружил, вертел город каменный.
Онемев, словно камень,
я смотрел вокруг.
Но тогда еще я не знал всего
И не мог понять сердце города,
Что бросает в мир многогранный взор.

СКАЗ ОБИ О ЛЕНИНЕ

С древних сказочных времен светит солнце,
На протяжении многих веков бушует ветер,
С давних пор бежит на север
Беловодная Обь, воспетая в песнях.
Она слышала много мансийских песен,
Улыбалась вместе с манси.
Много слез в нее стекало,
Горе и печаль народа много раз она видала.

Я хожу по берегу моей милой Оби.
Шепчет, шепчет мне звенящая волна:
«Я родилась раньше, чем родились люди.
Знаю, что бывало и когда случалось.
Довелось мне видеть, как рождались люди,
Как спустился с неба первый гусь на землю,
Как в устье первого священного озера
громко прокричала первая гагара.
Как кружило над землею золотое солнце,
Как земные люди счастье ожидали.

Не одна, а вместе с манси замерзала, коченела,
Когда в злобе разъярялся ветер северный
холодный,
Когда на землю слетала тэли[1] с снежною пургою,
Прекращалося журчанье вод моих, я замерзала.
И когда плясала вьюга в юртах, снегом
занесенных,
Застревало счастье манси в снежных рытвинах
сугробах.
И хотя тогда я тоже замерзала-леденела,
Но вода моя живая во льду так же песни пела.

---

[1]). Тэли—зима.

Потому я много знаю
Песен, плачей и преданий...
Придет время, пропою их!
Так послушайте же, дети,
Порожденные народом всей земли,
Вот эту песню:

— Будто кружит надо мною
Голубая ночь весною.
Имя Ленина, как чайка,
Нависая над водою,
Прикасается ко мне.
Сколько голосистых чаек,
Сколько радостного смеха!
Золотое покрывало
Солнца ясного
Не меркнет в небесах
Средь темных туч!

Дерзким голосом гагара
Не рыдает над водою,
Я не слышу над собою
Плача горя и печали.
Зазвучала песнь иная:
— Каждый кустик шепчет, шепчет
Дорогое имя—Ленин;
Ежедневно мое сердце
Слышит слово—Ленин, Ленин!
Это слово светит людям,
Путь им к счастью освещает,
Это слово будет вечным
В песнях всех народов мира!

Берег мой кишит народом,
Как весенний луг зеленый
Шелестящею травою.
Стая белых пароходов
Больше лебединой стаи.
В каждом взгляде человека
Светит радость, словно солнце,
Золотым лучом пронзая.
Пляшут манси веселее,
Чем танцует в воде рыба...

Раньше я смывала слезы
С глаз, гноящихся от дыма.
Я смывала нечистоты, грязь
С одежд, кишащих вшами.
А теперь ко мне на берег
Парни, девушки приходят,
Льется радость и веселье
Из сердец счастливых, юных,
И земля моя родная
Этой радости внимает.

Может быть, ночь голубая
Молодежи шепчет сказки?
Но и раньше, словно сказки,
Плыли голубые ночи;
Раньше так же разносился
Лебедей крикливых гомон,
Так же рыбы танцевали,
Так же ручейки звенели...

Только не слетало счастье
На мою родную землю,
Гордую, как сами манси,
Эту землю называют
Нежным словом — луи макве.

Но теперь все по-иному:
Дышит каждая травинка,
Словно золотое солнце
Стало жарче и светлее.
То в сердцах людей, как пламя,
Бьется Ленинское сердце,
Никогда не потухая.
Над землею прозвучала
Песня счастья...
Пусть звучит все громче, громче,
Никогда не угасая!

БЕРЕЗОВЫЙ СОК

Ранней весной, когда еще не кукует кукушка,
Из полногрудой березы льется сладкий сок.
Выпьешь его немного, и к тебе вернется сила,
Словно мать родная встанет пред тобой.

Но давно уж мама спит в земле холодной.
Свежая березка над ее могилой поднялась.
Плывет молодое солнце над землей родимой.
В уши к манси льется песен перезвон.

Нет, не один, не один я остался на свете.
В дикой пляске кружился вокруг меня вихрь.
Я вдыхал в себя тепло человеческого сердца.
Рос со мною вместе белый березняк.

Как сердечны, как милы молодые березки!
Силу и сердце они подарили мне.
Березовым соком вдосталь напоили,
И стою я твердо на родной земле.

Если песнь моя не будет течь свободно,
Снова я приду туда, к моим друзьям,
Где трепещет сердце моего народа так,
Как бьется сердце березян.

Я приду туда, где беспрестанно льется
Сок березовый из-под березовой коры.
Выпью того сока, сока животворного,
И вернется сила, матерью дарованная мне.

Запою я песню новую так громко,
Что метель утихнет, и седой Урал
Станет внемлить моей песне молчаливо,
Принимая песню, как сердечный дар.

КНИГАТ ХАНСИМ ПОТРЫТ

Стр.

Предисловие 7
Миснэ 19

СЯНЮМ (МАТЬ)

Сянь (Мать) . . . . . 23— 87
Лавыглас: асейкам (Говорят: прадед мой) . . . . . 24— 88
Элумхолас самынпатыс (Человек родился) . . . . . 25—89
Сорни сянь хунь оньсирисюм (Нет у меня бедного) . . . 26—91
Тининг луи макем (Дорогая северная земля) . . . . . 27—92
Самынпатнэв порат (Когда мы рождаемся) . . . . 29—93
Ам колум (Мой дом) . . . . . 31—95
Россия (Россия) . . . . . 33— 97

НАНГЫН КИНСИЛУМ (Я ТЕБЯ ИЩУ)

Нангын кинсилум (Я тебя ищу) . . . . . 37—101
Хулыт олнэ мат (В том месте, где обитают рыбы) . . . . 37—102
Нанг талын (Без тебя) . . . . . 38—102
Атырхари торум сам (Глаз голубого неба) . . . . 38—102
Хотил ехтысын (Откуда ты пришла) . . . . . 39—103
Лям йив (Черемуха) . . . . . 40—104
Куринька (Куринька) . . . . . 41—105
Торум хосит нэ уй суси (По небу медведица бродит) . . 41—105
Хул алисьланэ нэ (Рыбачка) . . . . . 42—106
Тининг сянюм реге хосат ерувласлум (Я давно забыл тепло моей дорогой мамы) . . . . . 43 -107
Ленинград ус Миснэ (Ленинградская Миснэ) . . . . . 43—107
Нанг самагын (Глаза у тебя) . . . . . 44—108
Охсар (Лиса) . . . . . 44—108
Этпос ке пости (Если месяц светит) . . . . . 45—109
Сяхыл эли-палт (Перед грозой) . . . . . 46—110
Нэматыр мен ат оньсимен (Нет у нас ничего) . . . . .47—11
Вос кос этпос сунси (Пусть хоть месяц смотрит) . . . 47—111

ЭРЕГУМ—ВОРИТОТЭГУМ (ПОЮ—БОРЮСЬ)

Анум товыл ос хоса лехъяс эри (Нужны мне крылья) . . 51—115
Сака хоса сярмат агмынг олсум (Словно очень долго я болел) . . . . . 51—115
Сянюм олыс маньси агиит (Мать моя была мансийской девушкой) . . . . . 53—117
Маньси нэн (Мансийской женщине) . . . . . 54—119
Пес йис порат самынпатыс асюм (Мой отец родился в старое время) . . . . . 56—121
Марсюм эрыг, сэмыл вильт (Грустные песни) . . . . . 57—122
Манрыг пунгкын таратаслын ел ((Почему ты свою голову так низко опустил) . . . . . 59—123
Улум (Сон) . . . . . 59—124

МАНЬСИ ЭРЫГ-ХАНСА (МАНСИЙСКИЙ ОРНАМЕНТ)

Стр,

Кантынг хармис оньси аньт (Есть рога у злого быка) . . 63—122
Сорни ангкум, сорни сяпюм (Золотая мама) . . . . . 63—129
Самын сэмыл сярмат сэмыл ити (Глаза твои черны) . . 63—129
Рег ке эри—емтапегум нанг (Если нужно тепло) . . . 64—129
Сали хайтум ворнел хольт нанг карысь (Ты высока) . . . 64—130
Сав хум магыс хотал регкве вари (Для многих мужчин) . 63—122
Нангын ам ат тулмантаслум (Я тебя не воровал) . . . 65—130
Хотъют лавыс: «Симынг нэкве этим (Кто сказал) . . 65—131
Волькве хосит хайти лули (Бежит по плесу гагара) . . . 65—131
Сярмат вольгын хангхылган (Стоит в лесу лось) . . . . 65—131
Такви латнге тикос вагтэ (Хоть язык он свой и знает) . . 66—132
Войкан витуп тэпынг Асувт (В нашей беловодной Оби . . 66—132
Няльсинг сисуп няльсинг сыт (Слизистый налим) . . . . 66—132
Хонгха лавыс: сэр—мор ворыт
(Кто сказал, что в дремучем лесу) . . . . . 67—133

ХАЛЬ ВИТ (БЕРЕЗОВЫЙ СОК)

Манрыг Хальус Хальусыга лаввес? (Почему Березово называют Березовым городом?) . . . . . 71—137
Ус (Город) . . . . . 72—138
Ас эрыг-мойт Ленин овылтит (Сказ Оби о Ленине) . . . 73—139
Халь вит (Березовый сок) . . . . . 75—142

Юван Шесталов

МИСНЭ

Добрая лесная фея
(на мансийском языке)

Редактор А. Н. Баландин. Обложка И. П. Котовщикова.
Тех. редактор Л. Т. Овечкин.

Подписано в печать 20/VI-1961 г.
Формат бумаги 84 × 108 печатных листов
Тираж 2500 экз. Заказ № 871
РД 02198.

Ханты-Мансийская окружная типография
г. Ханты-Мансийск, Мира, 14.

96662004
Окружная библиотека